№2

ГОРОДСКИЕ ТАКТИКИ

КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ И ФОРМЫ ГОРОДСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

АЛЬМАНАХ МИНСКОЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

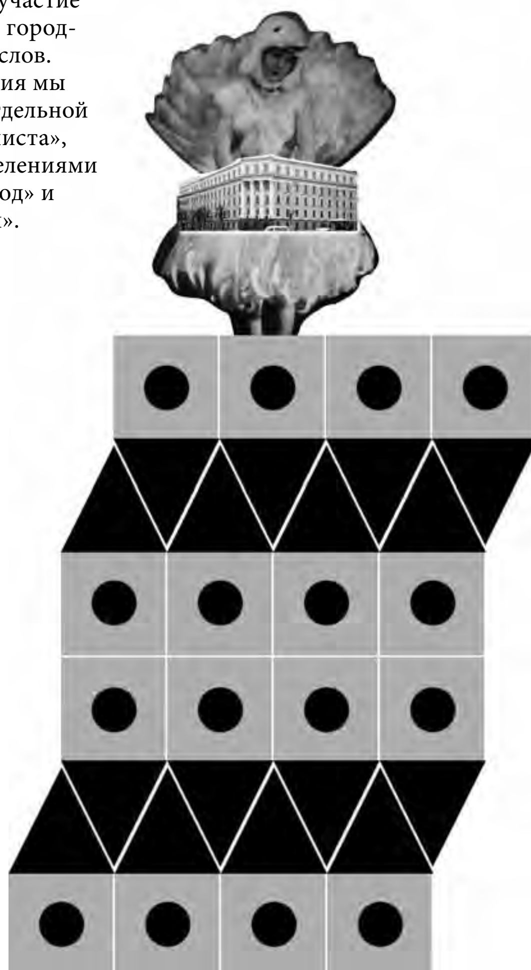
ВАЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

ТРИ СМЫСЛОВЫХ БЛОКА

Город можно понимать как совокупность архитектурных объемов, как центр накопления и распределения капитала, как территорию производства и потребления культуры... Темой этого номера мы решили выбрать важнейший из бесконечного многообразия ракурсов: город как место, где живут и действуют люди.

Мы условно разделили материалы номера на три смысловых блока. В самом начале на примере Минска мы очертили то, каким может быть непосредственное участие горожан в производстве городских пространств и смыслов. Наиболее важные понятия мы бы хотели выделить в отдельной рубрике «Словарь урбаниста», которую откроем определениями терминов: «права на город» и «радикальная география».

К тому, какие препятствия могут возникать на пути к осуществлению права на город, какие преграды встречает теория и как она трансформируется в реальном мире, обращаются тексты блока, посвященного идеям общественной безопасности в городе. Некоторые примеры того, как можно было бы реализовывать обозначенные идеи без ущерба для заинтересованных сторон, описаны в третьем блоке.

ИНТЕРВЬЮ С ЕЛЕНОЙ ТРУБИНОЙ:

СОВМЕСТНОЕ ДЕЙСТВИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В январе в Минске прошла выставочно-дискуссионная неделя Ханны Арендт — известного философа, изучавшего тоталитаризм. Одна из лекций была посвящена вопросу о роли действия в публичном пространстве. Андрей Карпека поговорил с лектором Еленой Трубиной, доктором философских наук и автором книги «Город в теории», о важности утопического мышления, значении действия и бездействия на улицах города.

/ АНДРЕЙ КАРПЕКА/

/ ЕЛЕНА ТРУБИНА /

Лекция Елены Трубиной «Студенты, демоны, герои: кто живет в «промежуточном пространстве»? Ханна Арендт о мире и действии»: http://gefter.ru/archive/11224

АНДРЕЙ КАРПЕКА: Говоря о публичном пространстве, Ханна Арендт обращается к перспективе греческого полиса и говорит о нем как о возможном идеальном месте прямой демократии, конечно, со своими условностями. В связи с этим хотелось бы задать вопрос: может ли современный город быть местом прямой демократии, и как трансформируется понятие публичного сегодня?

ЕЛЕНА ТРУБИНА: Мне кажется, что перечитывание книг Арендт убеждает нас в том, что одна из задач гуманитария, теоретика, философа заключается в формулировании вдохновляющих идеалов — нормативных идей. Чтобы мешать забвению того, как должно быть. Чтобы напоминать людям о том, что посреди повседневности, посреди очень серьезных и негативных политических процессов они время от времени должны вспоминать, что так было не всегда и так не должно быть всегда. Что идеи, которые предлагали Ханна Арендт, Юрген Хабермас, Ричард Сеннет, Айрис Мэрион Янг, а также Сейла Бенхабиб — скажем так, теории публичности, которые они формулировали, — всегда актуальны. Мне кажется, эти люди прекрасно понимали, *что публичность в ее позитивном смысле, в частности в том значении, которое предлагает Ханна Арендт — обсуждение и совместное делание чего-то равными людьми — это утопия. Это — идеал. Это — желаемое, должное состояние, которое состоит в очень сложных отношениях с действительностью.*

И в подтверждение того, насколько сложны эти отношения, я бы привела такое наблюдение. Если мы посмотрим, как изменилось отношение людей к самим словам — хорошим, позитивным, величественным: «демократия», «публичность», «консенсус» — мы увидим, что очень многие смотрят на них сегодня со скепсисом, с подозрением. То есть сами эти слова, которые фиксируют величественные идеалы, — они как будто истрепались, как будто оказались скомпрометированными тем, насколько далека от них реальность. И я здесь говорю не только о нео-авторитарных странах: Беларуси, Украине, если судить по совсем недавним событиям, в России. Я здесь говорю и о тех странах, в которых удалось создать демократические политические режимы. Разочарование в возможностях демократии, разочарование в возможностях публичности — это сегодня глобальный процесс.

Но в то же время, оглядываясь назад — на Майдан, на Беларусь в 2010, на Россию в 2011, 2012 — мы видим, что эти идеалы совместного обсуждения людьми и деланья чего-то, и протеста время от времени воплощаются на городских улицах. Как если бы люди вместе вспомнили о том, что помимо их насущных повседневных задач существует что-то еще более важное в их жизни, чему стоит посвятить время, стоит мерзнуть на этих митингах, стоит рисковать быть забранным и так далее. Но это просто не может быть постоянной чертой городской жизни.

И вот сегодня в рассуждениях о пост-политическом, о пост-феминизме (все эти множественные приставки «пост- »), неолиберализме, нео-авторитаризме — теоретики и практики, то есть те люди, которые занимаются партисипацией, — они находятся перед такой сложной дилеммой: как продолжать петь эту песню, как продолжать вовлекать людей в условиях, когда это становится все более и более сложным?

АНДРЕЙ: Вы упомянули события, которые были связаны с протестными движениями в постсоветских странах. Подобного рода действия именно в городской среде — как они взаимодействуют с ней, в каком смысле они могут производить город?

ЕЛЕНА: Они могут демонстрировать, что право на город — это не пустой звук. Они могут демонстрировать те события в городской жизни, когда люди как будто вспоминают, что у них тоже есть это право на город — не только в качестве места, где они удовлетворяют свои потребительские, житейские, профессиональные запросы, но и места, где они самовыражаются как граждане.

Однако другое дело — это то, что мы видим после событий на «Occupy Wall Street», после Тахрира, после турецких волнений и так далее, и так далее. Мы видим волну людской спонтанности, народных волнений: тысячи и десятки

тысяч людей, заполнивших классические публичные места, которыми являются прежде всего городские площади и скверы. Это зрелище настолько тревожное прежде всего для тех правящих группировок, которые распределяют ресурсы, что после этой волны народных протестов следует волна ужесточения и увеличение числа авторитарных мер.

Получается, что мы сталкиваемся со специфической цикличностью зарождения и осуществления протестов. Они, как правило (и это, конечно, нас огорчает и удручает), приводят к тому, что те, кто не хочет терять свое доминирующее положение и доступ к ресурсам, предпринимают весьма жесткие ответные меры.

АНДРЕЙ: В такой ситуации, как мне кажется, накаляется оппозиция социального и политического. Правительства оперируют терминами социального, обвиняя людей, которые пришли на площадь, поставили палатки, в том, что они ничего не делают, не производят и поэтому бесполезны для общества. В этой связи уместно вспомнить, что Ханна Арендт говорит о концлагерях: одна из их задач заключалась в том, чтобы вызвать у человека ощущение его полной бесполезности. И с помощью этой же риторики те, в чьих руках властные ресурсы, пытаются сегодня бороться с протестными движениями. И это — дискурсивная борьба.

Вместе с тем коллективное действие в городском пространстве приводит к своеобразной реапроприации, захвату, возвращению времени: время, которое могло бы быть потрачено на производство, тратится на политическую борьбу. Но социальное при этом не отступает — людям на площади нужно как-то существовать. В связи с этим хотелось бы задать вопрос: могут ли сами пространственные характеристики способствовать тому, чтобы человек имел возможность свободнее участвовать в политическом процессе? Каким должно быть пространство, чтобы в нем существовала политика?

ЕЛЕНА: Первое, о чем я хочу сказать, — это упрек, который действительно составляет часть дискурсивного арсенала властей и культурных посредников, культурных предпринимателей (я здесь использую любимый термин Пьера Бурдье), то есть людей, которые, в частности, участвуют в трансляции интересов власти посредством масс-медиа и иными способами. Если мы посмотрим на ведущуюся действительно дискурсивную борьбу между сторонниками левых политических взглядов, между участниками протестных движений и неолиберальной идеологии, мы увидим, что этот упрек в непродуктивности действительно очень популярен. Мы должны понимать, что неолиберализм за десятилетия своего существования разработал очень влиятельную и сегодня доминирующую идеологию, которая проникла уже в людские души. И часть этой идеологии заключается в том, что ты сам в ответе за то, как ты живешь, что делаешь, сколько получаешь, какая медицинская страховка тебе доступна.

Вот в чем заключается вызов: *ты интересен ровно настолько, насколько ты можешь произвести, но даже не произвести, а заработать, потому что, на самом деле, ты нужен прежде всего в качестве потребителя.* По этой логике ты свою человеческую значимость демонстрируешь тем, сколько и чего ты можешь потреблять: где ты отдыхаешь, какие медицинские услуги тебе доступны. И, соответственно, этот упрек в непродуктивности — «шли бы вы работать, а то неизвестно чем занимаетесь» — у него есть некая корыстная подоплека. Мне кажется, она заключается в том, что вы, пока бастуете, не зарабатываете достаточные суммы денег, которые сами могли бы затем тратить в наших магазинах, в наших дизайнерских лавках — где угодно, лишь бы поддерживать нашу экономическую машину . И это, на мой взгляд, очень серьезно.

Мы вчера упоминали термин «прекарность» — ненадежность, нестабильность. Мне кажется, достаточно большое число молодых и не очень молодых людей зависли без работы на годы: если посмотреть на цифры по безработице в Испании, Италии, Греции и даже в Германии, становится ясно, что очень большое число людей остается без стабильной занятости десятилетиями.

Если мы посмотрим, что творится в бывших социалистических республиках, мы увидим, что образовались очень большие группы людей, у которых нет этой самой надежной занятости. И, следовательно, наступивший повсеместно капитализм их употребить не может. То есть, получается, каждый день их жизни им в лицо кричит: «Ты бесполезен — ты не можешь продать себя на этом рынке труда!» У меня есть знакомые среди людей, которые годами ждут, что им подвернется какой-то шанс реализовать их таланты. Я вижу: это ломает личности. Я вижу, какой это бросает вызов .

И, наконец, о том, какие же все-таки возможности предоставляет нам само городское пространство, каким образом посредством трансформации пространства, его преобразования мы могли бы, скажем, приглашать людей к участию в социальных переменах. Тут, признаюсь, я полна скепсиса. Потому что, *вчитываясь в страницы истории тех или иных городов и раздумывая над анализом коллег, проделанным, в частности, по истории XX века, архитектуре, социальному реформаторству, я вижу следующее: очень многие надежды, что мы подготовим пространство, а люди подтянутся, — не оправдались.* Мы же, фактически, сейчас обсуждаем какую-то версию географического или архитектурного детерминизма, согласно которому подготовь «ЦЭХ» — и он станет площадкой для того, чтобы люди пришли сюда обсуждать Ханну Арендт.

Я хочу сказать, что здесь очень тесно и противоречиво сплетаются ресурсы, которые есть у тех или иных социальных групп. И это разного рода ресурсы. И материальные: кто создает это пространство, для кого создает, с какими целями. И нематериальные: в частности, ресурс времени, которым люди должны располагать для того, чтобы из всех возможных вариантов проведения своего вечернего досуга они выбрали наш. Чтобы люди, как я сейчас приехала из Юго-Запада, приехали бы из какого-то спального района слушать о Ханне Арендт. Многие из них, устав на своей работе, задаются вопросом: «С какой стати?», скачивают из торрентов очередной голливудский блокбастер и неплохо проводят вечерок. Поэтому давайте проведем мысленный эксперимент: это какой степени крутизны, условно говоря, должно быть пространство? какой степени привлекательности? Что должно быть в нем самом, чтобы именно своими материальными характеристиками оно привлекло к себе людей?

«... НАСТУПИВШИЙ ПОВСЕМЕСТНО КАПИТАЛИЗМ ИХ УПОТРЕБИТЬ НЕ МОЖЕТ. ТО ЕСТЬ, ПОЛУЧАЕТСЯ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ ИХ ЖИЗНИ ИМ В ЛИЦО КРИЧИТ: «ТЫ БЕСПОЛЕЗЕН — ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРОДАТЬ СЕБЯ НА ЭТОМ РЫНКЕ ТРУДА!»

Мне кажется, что тенденция, сложившаяся здесь, в Беларуси, России (мы включились в нее с опозданием, но включились весьма впечатляюще), заключается в том, что пространство преобразуется прежде всего с коммерческими целями. Вот «ЦЭХ», я думаю, я подозреваю, кто-то сделал для того, чтобы извлекать из него выгоду. Я опираюсь на свои свежие наблюдения и то, что мне сказали коллеги. Никто не будет вкладываться в те или иные пространства с социально-реформаторскими целями. Никто их не будет переделывать просто для того, чтобы собирались люди: здесь всегда нужно учитывать совершенно неизбежную коммерческую подоплеку.

ДЫСКУСІЯ:

ПАНІКОЎКА — МЕСЦА СУПОЛЬНАСЦІ, ПАМЯЦІ АЛЬБО БАРАЦЬБЫ?

Панікоўка — адна з сацыяльных з'яў, што мелі месца ў 90-х — пачатку нулявых: тусоўка адбывалася ў Аляксандраўскім скверы і на пляцоўцы перад Домам афіцэраў. Пра значэнне Панікоўкі для горада і яе палітычны патэнцыял размаўляюць Наста Манцэвіч і Мікалай Анціпаў — часопіс Мэйкаўт; Андрэй Карпека і Нікіта Патапенка — Мінская урбаністычная платформа.

/ АНДРЭЙ КАРПЕКА/

ЧАГО НЕЛЬГА РАБІЦЬ У ГОРАДЗЕ?
Забараняць больш чым дазваляць: "паветра горада робіць чалавека вольным" - ці як там кажуць? :)

ЧАГО ХАЦЕЛАСЯ Б ПАБОЛЬШ?
Прыязнасці і зычлівасці, адкрытасці да самавыяўлення ў гарадской прасторы.

ШТО ВЫ ДУМАЕЦЕ ПРА СКВОТЫ?
У нашым кантэксце яны падаюцца больш актуальнымі як некамерцыйная прастора для (контр) культурнай дзейнасці. А для рэйваў выдатна падыдзе постмадэрн інтэр'ераў касмічнага Белэкспа!

/ МІКАЛАЙ АНЦІПАЎ/

ЯКІЯ МЕСЦЫ Ў ГОРАДЗЕ НАЙБОЛЬШ ВАЖНЫЯ ДЛЯ ВАС?
Камсамольскі парк і вул. Гая

ЧАГО НЕЛЬГА РАБІЦЬ У ГОРАДЗЕ?
Выпіць віна на газоне ў парку, на жаль.

А ЧАГО ХАЦЕЛАСЯ Б ПАБОЛЬШ?
Кавярняў і бараў.

ПРА ШТО ВЫ РАЗМАЎЛЯЕЦЕ З СУСЕДЗЯМІ?
Пра добры дзень.

АНДРЭЙ КАРПЕКА: На маю думку, стартаваць можам з вызначэння таго, што ўяўляла сабой Панікоўка. У нас ёсць два відавочцы: адзін — праз інтэрв'ю, другі — асабіста. Пачнем?

НИКИТА ПОТАПЕНКО: Середина 90-х — то время, в которое я застал Паниковку, — это конец эпохи советского неформального движения. И люди, населявшие тогдашний сквер, — по сути, пена той большой волны. В 90-е рваные джинсы и длинные волосы перестали быть политическим заявлением и общественным вызовом. На смену системным хиппи и панкам пришли подростки в маечках. Они же, в свою очередь, ушли с улицы частично из-за того, что город стал планомерно зачищаться властью, частично из-за того, что основные функции уличной тусовки — общение, обмен информацией — взял на себя интернет. Но в 1993-95 гг. «неформалы», еще осознавали себя частью какой-то особенной общности и были достаточно многочисленны, чтобы подобрать под себя заметный кусок городского пространства.

МІКАЛАЙ АНЦІПАЎ: Калі я правільна зразумеў, Панікоўка была тым месцам свабоды, дзе ўсе збіраліся, у тым ліку туды прыходзіла ЛГБТК-супольнасць. Але, паколькі апошняя не была часовай з'явай, яна там і замацавалася. Тыя ж, для каго гэта было проста хобі, былі там некаторы прамежак часу: прыходзілі і сыходзілі, а вось ЛГБТК засталіся.

Н. П.: Да, можно предположить, что Паниковка была своего рода автономной зоной внутри города, проплешиной на равномерной городской ткани. Для тех, кто ощущал себя отличным от большинства, это был островок безопасности, комфорта. И, возможно, среди прочих «иных» там тусовались, в том числе, и представители ЛГБТ. Неформальная тусовка в итоге рассасывается, а ЛГБТ некоторое время остаются. По сути ЛГБТ-тусовка продлила жизнь Паниковки еще лет на пять. Хипповская «система» сошла на нет, уступив «теме» обжитое и символически «заряженное» место.

НАСТА МАНЦЭВІЧ: Наколькі я ведаю, некаторы час гэтыя дзве «Панікоўкі» суіснавалі побач. Я размаўляла з людзьмі, прадстаўнікамі ЛГБТК-супольнасці, якія распавядалі пра часы, калі Панікоўка была ў самім скверы. Яны казалі, што была група-ЛГБТ, якая тусавалася ў скверы сярод іншых нефармалаў. Атрымліваецца, пасля знікнення той Панікоўкі засталіся толькі прадстаўнікі ЛГБТК-кам'юніці, якія перамясціліся ўжо да «СаюзАнлайна».

Н. П.: Если погуглить «гей-места» Сан-Франциско, Кёльна, Амстердама, найдёшь площадки для интимных встреч. Паниковка, очевидно, таким местом не являлась? По воспоминаниям людей из ваших интервью это, скорее, был такой спонтанно возникший на улице комьюнити-центр для ЛГБТ.

Н. М.: Так, на Панікоўцы акурат адбывася жыццё кам'юніці. Яна не была проста месцам, куды прыходзілі пазнаёміцца ці знайсці сабе партнёра на ноч (хаця і гэта — у тым ліку). Людзі на Панікоўцы ведалі адзін аднаго, некаторыя прыходзілі туды кожны дзень. На гэтым месцы ствараліся досыць трывалыя сувязі між асобамі. Шмат хто кажа (у розных фармулёўках), што прыходзілі туды, каб

«знайсці сябе», зразумець болей пра сябе, пра сваю сэксуальнасць.

М. А.: Гэта было падобна да калектыўнай псіхалагічнай дапамогі. Памятаю размову пра Панікоўку са сваёй калегай. Яна так і сказала: «Не патрэбныя нам былі ні арганізацыі, ні псіхолагі, мы самі сабе дапамагалі знутры».

Н. М.: Ёсць яшчэ цікавы момант з пакаленнямі. Наколькі я магу судзіць, ва ўсёй гэтай тусоўцы было вельмі шмат рыторыкі пра сапраўднасць. Прадстаўнікі ЛГБТ-Панікоўкі 2001-2003 гг. казалі пра «несапраўднасць» новага пакалення, называлі яго фальшывым: «Мы ніколі не верылі, што яны насамрэч, ад усяго сэрца туды ходзяць. І ў Паніку вераць, і Паніку любяць».

А. К.: Тут, мне падаецца, гаворка ідзе акурат пра нарматыўнасць, яе канструяванне ў гэтых супольнасцях — як то альтэрнатыўная альбо ЛГБТК. Ідэя ў тым, што гэтыя супольнасці заснаваныя на ўключэнні новых індывідаў, але таксама і на выключэнні. Бо, каб «трымаць» месца, неабходна нейкім чынам захоўваць яго бяспеку, абараняць ад тых, хто можа неяк пашкодзіць, пераблытаць яго сэнс. Калі месца створана для таго, каб выпіць піва, паразмаўляць, а прыходзяць людзі, якія карыстаюцца ім не па назначэнні, — ці норма гэта? Такім чынам, якая нарматыўнасць канструявалася тады на Панікоўцы? Мне падаецца, у інтэрв'ю былі нейкія адказы на гэтае пытанне.

Н. М.: Так, на Панікоўцы была свая іерархія і свае правілы, пра гэта ўзгадваюць яе наведнікі. Быў на Паніцы свой «дрэс-код» і «фэйс-кантроль». Я, праўда, не ведаю, наколькі ён быў жорсткім і прынцыповым. Людзі, якія не траплялі пад гэтыя правілы, усё адно маглі быць на Панікоўцы, але ставіліся да іх насцярожана.

Адна з дзяўчын распавядала гісторыю, як яна прыйшла на Паніку. У дзяўчыны былі даўгія валасы, і яна адчувала, што яе не ўспрымаюць усур'ёз, не звяртаюць увагі… Тады дзяўчына пастрыглася і пачала паводзіць сябе адпаведна таму, як, на яе думку, трэба сябе паводзіць на Паніцы. Што цікава, яна апісвае гэта як вопыт, праз які важна было прайсці: прымерыць, паспрабаваць розныя ролі, каб урэшце стаць сабой.

А. К.: У мінулы раз ты ўзгадвала такую фразу «нюхаць шторы», якая адсылае нас да супярэчнасці паміж вуліцай і памяшканнем. Тут ужо ідзе выключэнне паводле іншага прынцыпу: знаходзішся ты ў публічнай сферы або ў прыватнай прасторы. Пытанне: чаму гэтыя людзі выключаліся? Ім не хапала таго адчування пратэсту, якое згубіла напрыканцы альтэрнатыўная (першая) хваля? Ці была ўвогуле пратэстнасць, калі там знаходзілася ЛГБТК-супольнасць?

Н. М.: Я асабіста туды вельмі рэдка заходзіла, а ў тыя разы, калі там бывала, у мяне не было адчування пратэсту. Некаторыя казалі, што менавіта гэта і прываблівала іх ў Панікоўцы: там не было так званага ЛГБТ-руху, не было вясёлкавых сцягоў і лозунгаў «Давайце змагацца за правы ЛГБТ!», а было жыццё кам'юніці такое, як яно ёсць.

> ***«Нюхаць шторы»*** — адзін з выразаў, што ўваходзіў у так званы «слоўнік Панікоўкі». Так казалі пра тых, хто замест таго, каб тусавацца на Панікоўцы, збіраліся па кватэрах. «Тыя, у каго была свая жылплошча, збіралі ў сябе вялікія тусоўкі, і «нюхалі шторы». Выраз меў негатыўную афарбоўку: «Ай, ну і сядзі сабе дома, і нюхай шторы».

Пры гэтым я чула і меркаванні, што менавіта Панікоўка дала глебу для стварэння ЛГБТ-руху ў Беларусі. Напрыклад, калі пачалі стварацца першыя арганізацыі, суполкі і г.д., яны ўсе, пасутнасці, выліліся з Панікоўкі. Хтосьці пачаў арганізоўваць вечарыны, хтосьці заснаваў арганізацыю. Гэта рабілі тыя людзі, якія спачатку хадзілі на Панікоўку.

А. К.: А я лічу, што сама Панікоўка — гэта і ёсць палітычнае выказванне.

Н. М.: Вось гэта і цікава. Выхад на Панікоўку шмат хто апісваў як выхад у «вялікі свет». Але што значыць «вялікі свет»? Наведнікі Панікі ўзгадваюць, як «СаюзАнлайн» паставіў гандлёвыя намёты побач з Домам афіцэраў і тым самым парушыў інтымнасць месца. Да гэтага моманту яны ўспрымалі сваё існаванне на Панікоўцы як досыць інтымнае. І раптам усё змянілася: ты сядзіш, размаўляеш, а за тваёй спінай ўжо сядзяць людзі, ядуць, выпіваюць і на цябе глядзяць. Стала няўтульна. І гэта акурат адна з прычын, якая прывяла да знікнення Панікоўкі.

А. К.: Гэта, мне падаецца, як раз пытанне бяспекі. Яна была парушана. На іх тэрыторыю прыйшлі нейкія іншыя людзі з іншымі мэтамі, гэтыя людзі ўспрымалі Панікоўку зусім інакш. Яны — не «свае», яны парушылі інтымнасць. І пытанне — як канструявалася гэта інтымнасць. Па-першае, гэта сама прастора (клёны, парк), па-другое — адсутнасць Іншага. Гэта як раз механізм выключэння з Панікі тых, хто не тру-ЛГБТ, або ўвогуле не ЛГБТ.

У гэтым сэнсе, мне падаецца, Панікоўка — як раз унікальнае месца, бо інтымную, прыватную прастору ў Мінску знайсці досыць складана: горад збудаваны пасля Другой сусветнай вайны, згодна з мадэрнісцкім праектам. Што было важна тады для гарадской архітэктуры, планавання — гэта вялікая колькасць адкрытай прасторы. Гэта здавалася важным у супрацьвагу старым гарадам, дзе вуліцы былі вузкімі, цёмнымі і таму досыць інтымнымі.

Думаю, што гэта акурат адзін з чыннікаў папулярнасці Панікі сярод альтэрнатыўшчыкаў і ЛГБТК. Гэта была прастора публічнага, дзе бяспечна тым, каго публічнасці як раз пазбаўлялі.

Н. П.: А у меня есть другое предположение. Вовсе не факт, что альтернативщикам нужна интимность. Ты ставишь себе полуметровый

/ НАСТА МАНЦЭВІЧ/

ЯКІЯ МЕСЦЫ Ў ГОРАДЗЕ НАЙБОЛЬШ ВАЖНЫЯ ДЛЯ ВАС?
Месцы, з якімі звязаныя прыемныя (і не вельмі) ўспаміны.

ЧАГО НЕЛЬГА РАБІЦЬ У ГОРАДЗЕ?
Нельга руйнаваць гістарычныя мясціны.

А ЧАГО ХАЦЕЛАСЯ Б ПАБОЛЬШ?
Павагі да мінулага

ПРА ШТО ВЫ РАЗМАЎЛЯЕЦЕ З СУСЕДЗЯМІ?
З суседзямі збольшага толькі вітаемся, зрэдку гаворым пра бягучыя справы — што трэба зрабіць рамонт у пад'ездзе і інш.

ирокез — тебе его нужно показывать людям. Ценность Паниковки для «волосатых» состояла именно в том, что она находилась на пересечении всех дорог. Они занимали это место и делали его «своим», тем самым местом свободы, о котором выше сказал Николай. А как раз для ЛГБТ-тусовки интимность может быть желанна, но свобода и ощущение «своего места» важнее, пусть даже и в ущерб интимности.

А. К.: Калі падагульніць сённяшнюю размову, то цікава, якія мы можам вылучыць чыннікі заняпаду Панікоўкі: інтэрнэт, памяншэнне бяспекі…

Н. М.: Я вылучыла тры: змяншэнне бяспекі, АМАП, столікі «СаюзАнлайна» — гэта ўсё вонкавыя прычыны. Калі яшчэ нават не выйшаў закон аб забароне распіцця спіртных напояў, — усё роўна людзі казалі пра тое, што пачаў падыходзіць АМАП і проста весці размовы: «А чаго вы тут сядзіцё? Навошта вам гэта трэба?» Пасля — унутраныя прычыны. Гэта прыход нейкага іншага пакалення, якое ўжо было не тым, не «сапраўдным», якое не падзяляла каштоўнасцяў сваіх папярэднікаў. І трэцяя аб'ектыўная прычына — гэта інтэрнэт.

Н. П.: Потерял ли город от исчезновения Паниковки?

Н. М.: Я магу адказаць цытатай з інтэрв'ю. Людзі казалі: «Цяпер мне не патрэбная Панікоўка, я б туды болей не хадзіла, таму што перарасла. Але я б хацела, каб гэтае месца было. Мне было б спакайней».

Н. П.: Исчезновение Паниковки для самих участников той тусовки может и не быть чем-то особо драматичным. Ее функции распределены по интернету, по клубам, закрытым пространствам. *Но для города в целом отсутствие таких мест и возможности их возникновения — это проблема ощутимая и серьезная.*

Получается, что нынешний Минск потерял открытость и спонтанность, которую давала, в частности, Паниковка: прохожий мог посмотреть на панков либо, ощущая себя панком, — присоединиться. Если где-то собираются представители ЛГБТ, то люди, проходя каждый день мимо этого места, возможно, думают недобро, что вот гей-парад собрался, а потом привыкают и перестают обращать внимание. И получается, что простое распитие пива на лавке работает на избавление от ярлыка, и мир становится немножко лучше.

Дружелюбный город, город для людей — это не только лавочки, клумбы и богато убранные кашпо уличные кафе — это в первую очередь пространство, в котором безопасно чувствуют себя все жители: и «одинаковые», и «иные». Город, дающий уверенность в том, что твоя личная зона комфорта может распространяться и на публичное пространство.

«… ТАМ НЕ БЫЛО ТАК ЗВАНАГА ЛГБТ-РУХУ, НЕ БЫЛО ВЯСЁЛКАВЫХ СЦЯГОЎ І ЛОЗУНГАЎ «ДАВАЙЦЕ ЗМАГАЦЦА ЗА ПРАВЫ ЛГБТ!», А БЫЛО ЖЫЦЦЁ КАМ'ЮНІЦІ ТАКОЕ, ЯК ЯНО ЁСЦЬ.

/ НИКИТА ПОТАПЕНКО/

ЧТО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ В ГОРОДЕ?
Причинять неудобства окружающим. На любом уровне: о ругани в общественном транспорте, до разрушения архитектурного наследия.

А ЧЕГО ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОБОЛЬШЕ?
Удивительного и неожиданного. Но только в хорошем смысле. Неожиданные танцы на площадях — да. Удивительная жилая застройка поперек водно-зеленого диаметра – вряд ли.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О СКВОТАХ?
Пустые бесполезные здания и люди, нуждающиеся в месте для осмысленной деятельности, должны встречаться друг с другом. Нелегальные рейвы во Дворце Независимости, сквот в «доме у Троицкого» – что-то такое могло бы происходить в Минске моей мечты.

МИНСКИЙ СКВОТ «МАСТЕРСКАЯ»

/ ТЕКСТ: УЧАСТНИЦА КОЛЛЕКТИВА /

/ ФОТО: АЛЕКСАНДРА БОРОВИКОВА /

В ситуации нехватки мест для свободного высказывания сквоттирование может выступать в качестве одного из инструментов приспособления городскго пространства под нужды жителей. Сквот, в таком случае, может быть попыткой приспособления незанятого здания/помещения под жилье или культурную/социальную активность. Именно это и оказалось характерным для минского сквота "Мастерская", о котором рассказывает одна из участниц коллектива.

Для начала хотелось бы сказать, что я лишь одна из представителей коллектива сквота «Мастерская» и все изложенное будет моим, возможно, субъективным, видением. Также в силу того, что все события, связанные со сквотом, происходили в 2008 году, мои впечатления о нем уже не такие свежие, поэтому какие-то тонкости я сейчас могу просто не помнить. Но все же «Мастерская», несмотря на свое непродолжительное существование, была очень ярким событием, поэтому еще раз вспомнить о ней будет интересно.

МЫ ХОТЕЛИ ПОСТРОИТЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ОБЩЕНИЯ И АКТИВНОСТИ НА НЕИЕРАРХИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ.»

Мы хотели построить альтернативное пространство для общения и активности на неиерархических принципах. Мы хорошо знали, что такое сквоты, многие из нас путешествовали и бывали в европейских сквотах. Поэтому разговоры о сквотировании велись всегда, а вот когда эта идея стала активной и навязчивой, я не помню. Изначально мы вчетвером после майской «Критической массы» поехали смотреть дом, который кто-то из нас приметил раньше. Опущу все приключения, но, в общем, в ту ночь дом мы нашли и он нам понравился. На следующий день позвали знакомых, которым это могло быть интересно. Так люди потиху подключались, и через какое-то время сформировался коллектив. И хотя во всем этом была спонтанность и эмоциональность, сквотировали мы осознанно, исходя из своих желаний и потребностей: мы просто хотели сквотировать, потому что это романтика и приключения, и нам очень нужно было пространство для воплощения своих идей.

Людей, обитавших на сквоте, можно разделить на две группы: внутренний закрытый, коллектив и посетители. Соответственно, и все, происходившее там, можно поделить по такому же принципу. На внутренних собраниях решались вопросы по обустройству сквота, безопасности, ремонту, наполнению мероприятиями. На открытые мероприятия приходили разные люди: была создана рассылка, в которой регулярно размещалось расписание кинопоказов, встреч, дискуссий. Конечно, кто-то из «внешних» посетителей мог приходить на какие-то ремонтные работы и позднее влиться в закрытую группу.

Сквот не был жилым. Только одна девушка пыталась там жить какое-то время, но это было небезопасно: к нам постоянно вламывались местные гопники, чтобы украсть все, что возможно. А так практически каждый там день проходили внутренние встречи коллектива, работы по укреплению и обустройству сквота, а также различные встречи, дискуссии, кинопоказы, кафе, дискотеки и пара более крупных мероприятий — зинфест и концерт.

Информация не распространялась открыто в интернете, но те, кто хоть раз был на сквоте, могли получать нашу рассылку с мероприятиями. Так же мы оставляли на панк-концертах флаеры, приглашали друзей, друзья — своих друзей, и потом к нам приходили уже совсем незнакомые люди, которые как-то узнали про сквот. Приветствовались все адекватные личности, соблюдавшие правила сквота по безопасности. Ну и, конечно, без фашистских и других ксенофобских взглядов. Хоть такой ситуации у нас и не было, думаю, мы бы их сразу

выгнали. Да, и у нас был случай, когда из-за недоверия к одному человеку, мы попросили его больше не приходить на сквот. Это было не очень приятно, и я до сих пор не знаю, правильно ли мы поступили.

Думаю, невозможно существование автономного пространства, которое не исключало бы никакие социальные группы. Эту тему можно развивать глубже, но хотя бы самое банальное: фашистов и ментов не будут рады видеть ни в одном анархистском пространстве.

Одним из главных принципов нашего коллектива было отсутствие иерархии. Думаю, если бы у нас были лидеры и пассивные исполнители, последним быстро надоело бы отдавать большую часть своего времени для поддержания сквота. Именно равноправное участие членов группы, где каждый чувствовал ответственность, свою причастность и вовлеченность, — это и было самой главной мотивацией.

Поскольку коллектив состоял из анархистов (или людей, таковыми себя не считавших, но разделявших эти идеи), то и решения принимались согласно нашим принципам — консенсусом. Конечно, это не всегда работало идеально, случалось и недопонимание. Например, среди нас был человек с западноевропейским опытом, с несколько другим видением работы анархистского коллектива, из-за чего иногда происходили конфликты. Но в целом все работало хорошо: внутри группы мы путем долгих обсуждений добивались понимания и общего видения. Но донести наши решения до «внешних» посетителей не всегда было просто.

Например, мы решили, что на сквоте запрещено пить алкоголь, так как мы не были уверены в том, что все способны вести себя адекватно и отвечать за себя. К тому же многие имели негативный опыт. Поскольку сквот был нам очень дорог и нас беспокоила его судьба, мы не хотели, чтобы из-за чьей-то пьяной глупости мы спалились перед местными жителями или ментами. В результате нас много раз называли сектантами и «стрэйд-эйдж»-сквотом, кто-то и вовсе нас бойкотировал.

ВОТ ГЛАВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ МЫ ПОСТОЯННО СТАЛКИВАЛИСЬ:

- Регулярные взломы и воровство. Это заставляло нас все время придумывать новые способы укрепления дома и всякие «ловушки» для воров. Но все равно нас с завидной регулярностью обносили;
- Проблемы с местными. Например, как-то в разгар мероприятия к нам стали агрессивно ломиться, конфликт был улажен разговорами;
- Некоторые люди считали нас слишком закрытыми. Их не устраивали порядки сквота (тот же запрет на алкоголь, к примеру), поэтому кто-то нас бойкотировал. Сейчас это не кажется проблемой, но тогда мы переживали по этому поводу;
- Нежелание людей, приходивших на мероприятия, соблюдать меры безопасности (особенно во время концерта, когда возле дома на улице кто-то рьяно тусовался, пил и шумел);
- Самая главная проблема, которая закончилась прекращением существования сквота: наш дом подлежал реконструкции, а для этого нужно было сначала вычистить весь хлам, снести стены и так далее. Поэтому нас попросили освободить помещение, а у нас не было никаких вариантов, чтобы остаться.

И это все при условии, что сквот был нежилым. Думаю, если бы все-таки там жили, проблем — и внутриколлективных, и внешних — было бы больше.

В европейском контексте или в сравнении с другими постсоциалистическими странами у «Мастерской», конечно, была своя специфика. Во-первых, мы не рассматривали сквот как альтернативу платному жилью. Конечно, разговоры были, но все-таки мало кто решился бы жить в таких условиях, какие были в «Мастерской». То есть сквот не освобождал нас от необходимости работать и решать свои бытовые вопросы. Хотя стоит сказать, что у нас был сосед: этажом выше жил молодой мужчина, просто занял себе комнату, дверь с замком сделал и так далее. Может быть, кто-то еще сквотирует под жилье, но я не в курсе этого.

« ИМЕННО РАВНОПРАВНОЕ УЧАСТИЕ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ, ГДЕ КАЖДЫЙ ЧУВСТВОВАЛ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СВОЮ ПРИЧАСТНОСТЬ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, — ЭТО И БЫЛО САМОЙ ГЛАВНОЙ МОТИВАЦИЕЙ.

Кроме того, в беларуских реалиях мы не могли делать это место публичным, приглашать местных жителей на мероприятия, например. Мы дружили только с ближайшей станцией техобслуживания, звали их на кино, угощали чаем. Они нам тоже много раз помогали: с электричеством, с инструментами, с хранением вещей. А без публичности и поддержки местных мы не могли никак бороться против выселения.

Безусловно, «Мастерская» оказала позитивное влияние. В первую очередь, это опыт. Опыт работы в группе, опыт принятия решений методом консенсуса, опыт общения и взаимодействия. Не могу сказать, что этому послужил только сквот, так как одновременно люди участвовали во множестве других проектов и активностей. Но «Мастерская» была, что-ли, самой наглядной. Ну и, конечно же, полезна оказалась практика во всяких ремонтно-строительных делах: как сделать из подручных материалов мебель, вставить стекла, сделать щиты на окна, провести электричество и прочее.

Во время существования «Мастерской» многие из нас сблизились и сдружились. Я иногда с удивлением вспоминаю, что с многими, с кем постоянно общаюсь и делаю совместные дела сейчас, сошлась именно там. С частью людей из коллектива сквота мы одно время жили уже в арендованном доме, совмещающем жилищное и активистское пространство.

Несомненно, опыт «Мастерской» пригодился как мне, так и другим участникам коллектива. Но, к сожалению, не в сквотировании. Поначалу мы были уверены, что будем сквотировать что-то еще, но (после нескольких неудачных попыток) по разным причинам это не случилось.

Я не достаточно компетентна, чтобы говорить о перспективах сквоттинга в Беларуси. Возможно, что-то и происходит, но я об этом не знаю. Опыт «Мастерской», возможно, кому-то может пригодиться, хотя в каждом здании могут быть свои особенности — как в плане бытовых вопросов (отношения с соседями), так и в плане построения отношений внутри коллектива.

СЛОВАРЬ

ПРАВО НА ГОРОД

Кому принадлежит городское пространство, кто имеет право влиять на него и изменять его?

Идея «права на город» была впервые сформулирована в конце 1960-х годов в работах французского философа, социолога и теоретика неомарксизма ***АНРИ ЛЕФЕВРА.*** «Право на город» – это не только право на жилье, работу и образование, но, в более широком смысле, право принадлежать городу, обитать в нем и его изменять. Все жители обладают «правом на город», в том числе представленные в городской среде разнообразные маргинализированные группы: этнические, религиозные, расовые, сексуальные, а также такие «меньшинства», как пожилые люди, инвалиды или бездомные.

ДЭВИД ХАРВИ — англо-американский географ и антрополог, один из основателей ***«радикальной географии»*** — считает, что в вопросах развития и организации городского пространства необходимо учитывать мнение людей. «Право на город» – это гораздо больше, чем индивидуальная свобода доступа к ресурсам города. Это право изменить себя, изменив город. Это, скорее, право общества, а не отдельно взятого человека, так как именно коллективная сила способна влиять на процессы городского развития. Право на изменение наших городов и себя через данный процесс – это наиболее ценное право, но зачастую мы им не пользуемся.

ЕЛЕНА ТРУБИНА — российский философ, автор книги *«Город в теории: опыт осмысления пространства»* – называет город, где каждый имеет право на него, идеальным. На ее взгляд, в контексте проблематики прав человека понятие «право на город» интересно тем, что связывает проблему публичности, в том числе публичных городских пространств, и проблему прав человека.

Согласно теории Лефевра, город должен развиваться таким образом, чтобы отвечать интересам тех, кто пользуется его пространством, а не только интересам тех, кто этим пространством владеет. Поэтому жители должны делиться друг с другом своими представлениями об оптимизации городской жизни, принимая участие в обсуждениях и реализации коллективных решений. Тем самым Лефевр рисует привлекательный, но идеализированный образ горожанина.

РАДИ-КАЛЬНАЯ ГЕОГРА-ФИЯ

Критическая теория, направленная на изучение географии с учетом социальных проблем и неравномерного развития, получила название ***РАДИКАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ***.

Внимание радикальной географии обращается к проблемам несправедливого перераспределения общественного продукта внутри отдельных стран и между государствами («бедный Юг» и «богатый Север»), эксплуатации интеллектуальных и минеральных ресурсов стран «третьего мира». В эколого-географических исследованиях фокус делается на экологические проблемы, обусловленные антигуманным характером капиталистического производства и потребления.

Радикальная география стала популярной в «левых» интеллектуальных кругах после формулирования в работах Уильяма Бунге и Дэвида Харви. Их предшественником можно считать Анри Лефевра с его работами, посвященными проблемам городского пространства. Радикальная география послужила основой для возникновения более академической и менее политизированной ***критической географии***.

ПАНОПТИКОН: ГРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ

/ СЕРГЕЙ РЕГИНЯ /

О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ С СОСЕДЯМИ?

Если кто-либо, в поиске живого общения или просто со скуки и житейской расторопности, не затопил остальных соседей или же обесточил подъезд — то обходимся привычным ритуалом взаимного пожелания друг другу здоровья в кратчайшей форме.

ЧТО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ В ГОРОДЕ?

В городе нельзя — жить не уважая право окружающих людей. Городская культура — это инструмент сопряжения множества различных мнений, идей, взглядов, сходящихся под всевозможными углами. Ходить колесом и безумствовать или искать покой и умиротворение в тишине или успевать реализовываться в бурлящем потоке жизни — каждый имеет свое право на это, и каждый обязан осозновать ответственность перед правом других.

ЧЕГО ХОТЕЛОСЬ БЫ БОЛЬШЕ?

Мест где люди с общими прогрессивными целями и установками могли бы собираться вместе — и если не построить Вавилон, то хотя бы найти общий язык.

В современной теоретической мысли сложился подход к пониманию власти не столько как к образованию, локализованному только на государственном, политическом уровне общества, сколько как к тотальному и бесструктурному образованию, которое окружает индивида со всех сторон и обнаруживает себя во всем многообразии человеческих взаимоотношений. «Всевидящее око», «Большой брат» — все эти метафоры отсылают к понятию особого рода власти, определяемой как дисциплинарная власть. Ее основы были изложены в 18 веке под влиянием эпохи Просвещения.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ, ОТКРЫВШАЯ СВОБОДЫ, ИЗОБРЕЛА И ДИСЦИПЛИНЫ

Ключевым элементом концепции прозрачности общества и всепроникающей дисциплинарной власти является архитектурная конструкция — проект идеальной тюрьмы под названием «Паноптикон». Автор его — английский социолог и юрист 17-18 века, родоначальник утилитаризма и теоретик либерализма Иеремия Бентам.

Принцип архитектурного образа Паноптикона многим знаком: по периметру — здание в форме кольца. В центре — башня. В башне — широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры. В камере два окна: одно выходит внутрь (против соответствующего окна башни), а другое — наружу. Таким образом, вся камера насквозь просматривается. Если посадить в центральную башню одного надзирателя, то благодаря эффекту контражурного света он сможет наблюдать вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания.

Отсюда вывернутая наизнанку темница, из трех функций карцера — заточать, лишать света, скрывать — остается лишь первая. Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма. Видимость — ловушка. С точки зрения охранника, толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных — изоляцией и поднадзорным одиночеством. Скрытое присутствие охранника позволяет надзору быть постоянным в своих результатах, даже если он осуществляется с перерывом. Поэтому Бентам сформулировал принцип, согласно которому власть должна быть видимой и недоступной для проверки.

Паноптическая схема, по Бентаму, применима не только к тюрьмам, но также и к школам, клиникам, производствам, общежитиям — ко всем заведениям, где на сравнительно небольшом пространстве требуется держать под надзором некоторое количество людей.

> “ПОДВЕРГАЯ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТОЯННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕИНАЧИВАЯ ОФИЦИАЛЬНЫЙ «СУХОЙ» ЯЗЫК ГОРОДА, НА КОТОРОМ ОН БЫЛ НАПИСАН, ЧЕЛОВЕК ПЫТАЕТСЯ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ТОГО БОЛОТА ТОТАЛЬНОЙ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО УПЛОЩЕНИЯ И РУТИННОЙ ОДНООБРАЗНОСТИ, В КОТОРОЕ ОН САМ СЕБЯ И ПОМЕСТИЛ.

В одной детской народной сказке маленькая девочка, заведомо укрывшись в поклаже, обманным путем вызвала у медведя тотальный страх собственной видимости, паноптический страх, чем заставила совершить решительный поступок вразрез инстинкту самосохранения — вплотную приблизиться к дому человека. Бентам же, подогреваемый верой в прогресс и теорией рационального утилитарного сожительства, собирался вывести человечество к идеям Просвещения и мечтал об открытом прозрачном обществе, лишенном темных зон, тайн и секретов, обществе, в котором царит

мнение каждого о каждом. А в открытом обществе прозрачности и гласности нет места перегородкам, укромным лачугам, темным углам.

Также Бентам отстаивал принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа индивидуумов». Его понимание общества было близко тому, что в современной науке называется атомизмом: люди — как атомы, индивидуальные единицы, взаимодействующие между собой, поэтому общественный интерес — это лишь сумма индивидуальных интересов. Ориентируясь на принцип полезности и потребность индивида в личном преуспевании, он хотел перестроить мораль и посредством технократического устройства дисциплинарной власти мобилизовать в человеке чувство власти над самим собой, актуализируя разнообразные формы самоконтроля (следование нормам, соблюдение закона и др.). «Человек впитывает отношение власти, становится началом собственного подчинения», — но в помощь ему необходим наблюдатель, который должен помочь уже только фактом своего существования и дотошным присмотром в культивировании и взращивании собственного послушания и полезности как элемента социальной системы.

Целью всего является образование дисциплинарного общества. Дисциплины как базовое понятие технократического проекта паноптизма — совокупнось мелких технических изобретений, позволяющих увеличить полезность множеств путем сокращения неудобств для власти, которая, чтобы сделать их полезными, должна их контролировать.

ФУКО. Глубокий анализ работы Бентама провел в своих трудах «Око власти» и «Рождении тюрьмы» Мишель Фуко. Вкратце несколько черт, характерных для паноптизма:

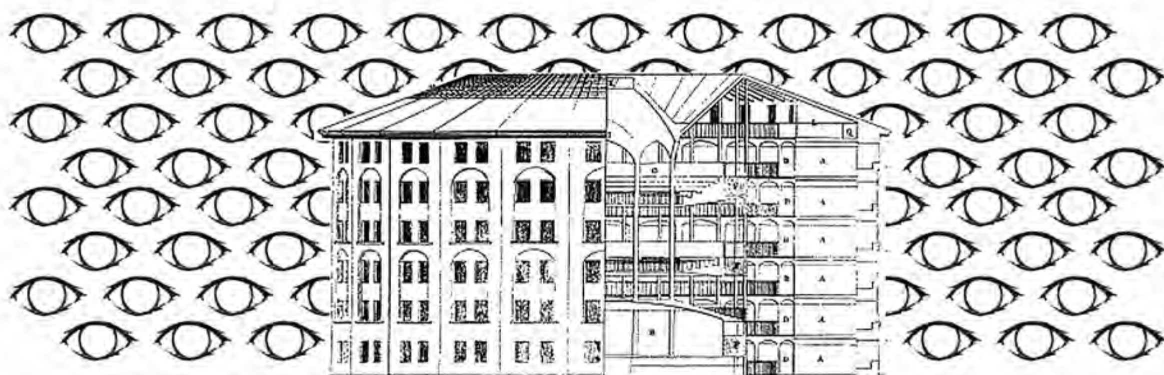
АВТОМАТИЗМ ВЛАСТИ. В состоянии сознаваемой и постоянной видимости заключенные вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они же сами являются, что обеспечивает ее автоматическое функционирование. Чтобы поддержание ее происходило независимо от человека, который ее отправляет, власть превращается в машинерию, у которой нет владельца. Никаких личных пристрастий, одна лишь безликая система.

ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ. Для людей-в-башне наблюдаемые фигуры — безличны, они видят лишь исчисляемое множество дублирующих друг друга контуров и силуэтов, утративших не только объем, но и признаки индивидуального лица. С точки зрения заключенных — изоляция и поднадзорное одиночество. Толпа — плотная масса, место множественных обменов, схождения индивидуальностей и коллективных проявлений — устраняется и заменяется собранием отделенных индивидуальностей.

ПРОСТРАНСТВО ИСКЛЮЧЕНИЯ. Сообразно ритуалу исключения, который породила в средние века борьба с проказой, универсальность дисциплинарного поля позволяет, ориентируясь на некую норму, характеризовать, классифицировать, распределять по некой шкале, выделять, помечать, а если надо — исключать.

КРИТИКА. Сколько бы в ней ни описывались преимущества и готовые рецепты в достижении всеобщего счастья, идея паноптизма не снискала особого признания и похвалы. Еще современники Бентама указывали на упрощенность принимаемой им модели человеческого поведения и нежизнеспособность подобной утилитаристской модели.

Фуко акцентировал неизбежность дисциплинарной модели власти: хочешь того или нет — ты попадаешь под действия дисциплинарного поля. Он противопоставлял друг другу идеи Общественного договора как солидарного сосуществования, общественно-достижительной конструкции на базе соглашения человека с человеком — и Паноптизма как повсеместно распространенной техники принуждения. Обрекая человека на постоянный тщательный досмотр и погружая в состояние перманентной экзистенциальной тревоги, система продуцирует аппарат полного и кругового недоверия. А в атмосфере недоверия отсутствует чувство полной безопасности, даже в поле пристального контроля и порядка.

ПОВСЕМЕСТНОСТЬ. Паноптическое устройство предоставляет формулу повсеместного присутствия власти. На уровне элементарного и легко передаваемого механизма оно задает программу базового, низового функционирования общества, вдоль и поперек пересеченного дисциплинарными механизмами. Это машина, которая охватывает весь мир: как тех, кто осуществляет власть, так и тех, над кем эта власть осуществляется.

Помимо этого, довлеющий «коллективный тотальный досмотр души» может выступать условием конфликта между личностью и обществом, так как таит в себе угрозу приватности индивида, его личному пространству. «Боязнь за собственное "Я", которое, несомненно, есть постоянное искушение для безликого "Мы"». (Е. Лямпорт).

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ВЛАСТИ НАД ПРОСТРАНСТВОМ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЕГО ПРИСВОЕНИЯ

На уровне городского пространства влияние паноптических теоретических конструкций и технологий дисциплинарной власти, как и противодействие им, изложено в труде Мишеля де Серто «По городу пешком». Автор поднимает проблему отношений человека и власти к пространству.

Современный город, его геометрическое пространство — это производное постоянной материализации и закрепления теоретических и практических достижений научно-технического прогресса, усовершенствования производства (город как машина роста). Он вписывает каждый элемент своего механизма, каждую поверхность в упорядоченную систему под определенным значением, «буквальным» значением. Однако внутри и сразу вне этой системы обнаруживают себя практики повседневности, не уловимые визуальному учету и контролю, так как повседневность не обладает поверхностью.

Де Серто в своей работе сформулировал теорию повседневных практик, обживаемого пространства, волнующую привычности города. Посредством каждодневного «проживания» горожанин присваивает себе городское пространство через занятия, не предусмотренные создателем. Абстрактной, спланированной, читаемой пространственности противопоставляется другая, включающая антропологическое и поэтическое освоение города.

В «урбанистическом ratio» и организации города в функционалистском духе Мишель де Серто видел ту самую машинерию, отлаженную и движимую механизмами дисциплинарного поля, ту, что описал Бентам и разложил, вывернув изнаночную сторону, Фуко. Машинерию — слепую и бездушную — ориентируемую на постоянный и неизбежный рост, обреченную на типизацию, симплификацию и стандартизацию всех элементов в фатальной необходимости частного порядка, индивидуальной тактики семантического переживания и переосмысления окружающего пространства. Подвергая городское пространство постоянной интерпретации и переиначивая официальный «сухой» язык города, на котором он был написан, человек пытается вырваться из того болота тотальной предсказуемости, эмоционального уплощения и рутинной однообразности, в которое он сам себя и поместил.

их удержания и доступности понимания. Достижение человеческого разума, своеобразная попытка переиграть природу, предложив эволюционной множащейся разнообразности свой альтернативный рационально-технократический вариант.

Стратегическое конструирование города, предопределенное риторикой прогресса — все окружающее охватить и упорядочить — встречается с реакцией

ОБРЕКАЯ ЧЕЛОВЕКА НА ПОСТОЯННЫЙ ТЩАТЕЛЬНЫЙ ДОСМОТР И ПОГРУЖАЯ В СОСТОЯНИЕ ПЕРМАНЕНТНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ, СИСТЕМА ПРОДУЦИРУЕТ АППАРАТ ПОЛНОГО И КРУГОВОГО НЕДОВЕРИЯ. А В АТМОСФЕРЕ НЕДОВЕРИЯ ОТСУТСТВУЕТ ЧУВСТВО ПОЛНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ДАЖЕ В ПОЛЕ ПРИСТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ПОРЯДКА.

1 — Мишель Фуко — «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»

2 — Мишель Фуко — «Око Власти»

3 — Мишель де Серто — «По городу пешком»

4 — Мартынов М.Ю — «Дисциплинарная власть и проблема объективации индивида»

КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

/ АННА САЛИВОН/

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ С ВАМИ ЗА ДВЕРЯМИ ВАШЕГО ДОМА:
Встречи и расставания с некогда близкими или близкими сейчас людьми.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ В ГОРОДЕ?
Того же, чего нельзя делать дома и в гостях у друзей.

А ЧЕГО ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОБОЛЬШЕ?
Уважения и ответственности по отношению к пространству, легкости и остроумия по отношению к действиям, в нем производимым.

О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ С СОСЕДЯМИ?
«Здравствуйте!» и все :)

«Безопасность человека — такое состояние человека, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к смерти, ухудшению функционирования и развития организма, сознания, психики и человека в целом, и не препятствуют достижению определенных желательных для человека целей».[1]

Потребность в чувстве защищенности находится в основании пирамиды Маслоу, на уровне, следующем сразу за физиологическими нуждами. Если основываться на этом тезисе, большинству индивидуумов для нормальной жизнедеятельности необходимо ощущение безопасности. Именно поэтому данная витальная потребность может являться инструментом для манипулирования. Кажется очевидным, что тот смысл, который вкладывают в понятие «безопасность» государственные институты и наше личное его ощущение — далеко не всегда одно и то же. Более того, зачастую эти два «понимания» вступают в некоторое противоречие и, как следствие, мы чувствуем себя беззащитными не перед лицом преступности, а перед лицом государственной машины. Тем не менее, в целях создания иллюзии защищенности повышают государственный контроль, пренебрегая нашим правом на конфиденциальность: такое эфемерное понятие, как «свобода» легко вытесняется вполне осязаемым желанием чувствовать себя недосягаемым для тех, кто может нанести физический, моральный или материальный ущерб.

Вообще, контроль — это то понятие, на котором основывается любое размышление о безопасности. Объединяет контроль сообщество или разрушает? Контроль государством граждан или контроль гражданами сограждан — какой из этих вариантов является более действенным для повышения уровня реальной, а не спекулятивной безопасности? Для разъяснения этих вопросов обратимся к концепциям, направленным на снижение уровня преступности в городской среде.

Концепция «защищаемого пространства»[2] основывается на так называемой «безопасности соседства». Теория, разработанная Оскаром Ньюманом в 1972 году, отводит ключевую роль в создании «защищаемого пространства» его обитателям: площадь является более безопасной, когда люди испытывают чувство собственности и ответственности за эту часть сообщества. Автор утверждает, что «преступность изолирована, потому что ее почва нейтрализована», когда каждый участок пространства в районе «не бесхозный» и окружен вниманием ответственной стороны. Если созданы условия, при которых злоумышленник понимает, что может оказаться в зоне внимания сообщества, он, совершая преступление, чувствует себя в

ТАКОЕ ЭФЕМЕРНОЕ ПОНЯТИЕ, КАК «СВОБОДА» ЛЕГКО ВЫТЕСНЯЕТСЯ ВПОЛНЕ ОСЯЗАЕМЫМ ЖЕЛАНИЕМ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ НЕДОСЯГАЕМЫМ ДЛЯ ТЕХ, КТО МОЖЕТ НАНЕСТИ ФИЗИЧЕСКИЙ, МОРАЛЬНЫЙ ИЛИ МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ.

меньшей безопасности. **Идея состоит в том, что уровень преступности и правонарушений напрямую связан с соответствием пространства определенным критериям:**

1/ территориальность — ощущение своего дома как некого, едва ли не сакрального объекта;

2/ естественное наблюдение — связь между физическими характеристиками территории и способностью резидента увидеть, что происходит;

3/ изображение — придание чувства защищенности с помощью планировочных решений и архитектурных средств выразительности;

4/ безопасность прилегающих районов: наличие у жителей возможности наблюдать за пространством, окружающим данное, снижает уровень преступности и правонарушений;

5/ другие особенности, которые могут повлиять на безопасность. Например, близость к полиции, оживленная торговля на данной территории.

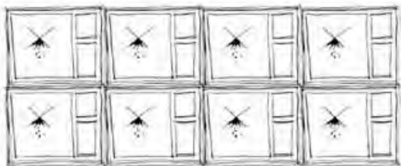
Для соответствия обозначенным выше критериям данная концепция предлагает следующие решения:

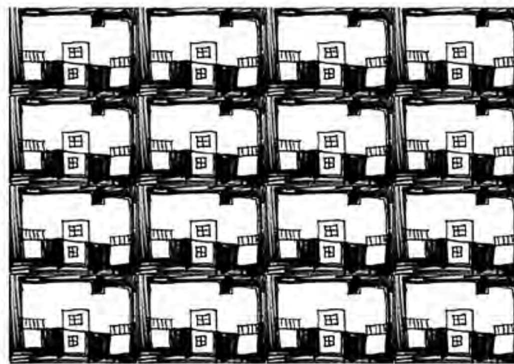
1/ дифференциацию пространства в соответствии с потребностями разных социальных групп в зависимости от возраста, материального положения, структуры семьи и т. д.;

2/ территориальное определение пространства в жилых комплексах с учетом зоны влияния конкретных жителей;

3/ некоторое «слияние» внешнего пространства с внутренним пространством квартир, достигаемое при помощи размещения окон определенным образом с целью повышения обозримости улицы;

4/ включение городских улиц в сферу влияния жилой среды.

Еще одна концепция — «Теория разбитых окон»[3] — была разработана в 1982 году социологами Джеймсом Вильсоном и Джорджем Келлингом. Она гласит, что поддержание среды в благоустроенном состоянии и постоянный ее мониторинг позволяет предотвратить вандализм и, как следствие, более серьезные преступления.

Название данной концепции было взято исходя из следующего примера. Перед нами здание с несколькими разбитыми окнами. Если они не отремонтированы, вандалы сломают еще несколько окон. В конце концов, правонарушители могут совершить более серьезный, по мнению криминологов, деликт: например, ворваться в здание и, если данное здание не заселено, оккупировать его или устроить пожар.

До введения «теории разбитых окон» в обиход стэнфордский психолог Филипп Зимбардо устроил эксперимент с целью проверить данную теорию. Он припарковал два автомобиля без капота и номерных знаков в диаметрально противоположных по криминогенной ситуации районах: Бронксе и Пало-Альто. В Бронксе автомобиль был атакован спустя несколько минут, после того как его оставили без присмотра. В Пало-Альто же автомобиль простоял больше недели. Однако, когда Зимбардо сам намеренно разбил его кувалдой, жители присоединились к уничтожению.

«Разбитое окно» является свидетельством того, что мониторинг среды не осуществляется: на это незначительное правонарушение не последовало никакой реакции, значит и более серьезные преступления, совершенные на этой территории, останутся безнаказанными с большой долей вероятности.

Из описанной выше концепции следует, что факторами влияния состояния городской среды на уровень преступности являются:

1/ соответствие организации среды стандартам деятельности, призванным обеспечивать упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия индивидов и социальных групп;

2/ наличие или отсутствие регулярного мониторинга;

3/ наличие или отсутствие социальной сигнализации.

Джейн Джейкобс — один из пионеров данной теории — в своей книге **«Смерть и жизнь великих американских городов»** вводит термин «глаза на улицу», сутью которого является то, что улицы и их тротуары являются «жизненно важными органами» городской среды, потому что обеспечивают основные визуальные сцены, что способствует мониторингу и сигнализации.

ЕСЛИ ВСЕ ЖЕ ГОВОРИТЬ О МОИХ ОЩУЩЕНИЯХ, ТО МИНСК ЯВЛЯЕТСЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ТОГО, НАСКОЛЬКО МОГУТ ПРОТИВОРЕЧИТЬ ДРУГ ДРУГУ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАНИНА.

С точки зрения социологии, «Теория разбитого окна» является способом объяснить людям их взаимодействие с пространством. Однако, с одной стороны, люди своим отношением и поведением формируют пространство, с другой же стороны, пространство формирует людей, ограничивая их изо дня в день в принятии решений.

В качестве опровержения рассмотренных нами концепций чаще всего приводится тот факт, что случаи успешного их использования являются нерепрезентативными. Так, например, уровень преступности в течение 1990-х годов снижался в силу экономического подъема во всех крупных американских городах вне зависимости от избранного ими курса взаимодействия полиции, общества и пространства, а не только в Нью-Йорке, где была принята так называемая «политика нулевой терпимости». Более того, многие криминологи и психиатры подвергают сомнению прямую связь между отсутствием общественной сигнализации о мелком правонарушении и совершением тяжкого преступления.

Подводя итог, следует отметить следующее: концепции «Защищаемое пространство» и «Теория разбитого окна» не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими. В основе же лежит мысль, что снижение уровня преступности и правонарушений является следствием персональной ответственности каждого из членов сообщества за собственную среду обитания. Именно поэтому, прежде чем получить ответ на вопрос: «Можем ли мы чувствовать себя безопасно в месте, где мы живем?» — нам необходимо решить, готовы ли мы нести ответственность за используемое нами пространство и собственные действия, это пространство формирующие?

Если все же говорить о моих ощущениях, то Минск является свидетельством того, насколько могут противоречить друг другу государственная безопасность и персональная безопасность гражданина. С точки зрения же этих теорий, по-моему, Минск не является безопасным, поскольку, несмотря на постоянный мониторинг территории государственными органами (казалось бы, это соответствует “теории разбитых окон”), большое (или даже большее) количество жителей не ощущают это пространство как “свое” и, как следствие, не чувствуют за него ответственности (что противоречит концепции “защищаемого пространства”).

ИСТОЧНИКИ:

1. Заплатинский В. М. Терминология науки о безопасности — ISBN 80-8040-302-3

2. www.huduser.org/publications/pdf/def.pdf

3. www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf

ЗАКРЫТЫЕ СООБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ?

Термин «закрытые сообщества» (от англ. gated communities) используется для обозначения частных жилых кварталов и районов, которые имеют особую инфраструктуру и подчиняются собственным, внутренним правилам управления. Отличительной чертой закрытых сообществ является их независимость от городских властей, а также ограниченный или контролируемый доступ для посторонних. Часто «gated communities» называют «частными городами», критикуя при этом засилье капитала, сегрегацию городского пространства и создание гетто для богатых.

/ ВИТАЛИЙ ЩУЦКИЙ/

ЧТО ВАЖНОГО ПРОИЗОШЛО С ВАМИ ЗА ДВЕРЯМИ ВАШЕГО ДОМА?
За дверями моего дома произошло почти всё самое интересное в моей жизни. Всё сразу не расскажешь. Если ответить кратко: не сидите дома, выходите на улицу.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ В ГОРОДЕ?
Путать номера зданий и менять названия улиц, уплотнять центр, разрушать памятники архитектуры. Город нельзя доверять кому попало…

О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ С СОСЕДЯМИ?
В основном о разных мелочах. В Минске мои соседи спешат поскорее спрятаться за огромной железной дверью. В Париже люди более общительны. Обычно я спрашиваю как у них дела, интересуюсь, где провели отпуск, и что будут делать на праздники. Во Франции в конце мая отмечают «день соседей», во время которого жители многоквартирных домов могут познакомиться друг с другом.

Тем не менее, закрытые сообщества — это не только частный парк и гольф-клуб за высокой оградой. В 1980-х многие архитекторы использовали идею автономного жилого района для того, чтобы вообразить иную, нетрадиционную организацию городского пространства. Так, например, испанский архитектор Рикардо Бофиль в проекте «Espaces d'Abraxas» попытался противостоять не только анонимной «решетчатой» организации города, но и решить проблему интеграции местного населения, которое состояло наполовину из эмигрантов. Для этого он спроектировал жилое здание в форме античного театра. Спрятанное от города за высокими стенами, пространство театра стало местом встречи и диалога между различными национальностями и культурами.

Проект Бофиля как нельзя лучше воплощает в жизнь идею публичного пространства социолога Ирвинга Гофмана. Согласно ему, городская архитектура организует наш повседневный опыт и влияет, например, на ритуалы общения. В данном случае пространство, понятое как практика, как процесс, противостоит принципам функционализма Ле Корбюзье, в соответствии с которым улицы и площади являются всего лишь физическими зонами, предназначенными для перемещения либо стоянки.

«Закрытые сообщества», а также проекты «нового урбанизма» пока что в очень малой степени касаются жителей беларуских городов, которые живут, по сути, в «прозрачных» пространствах. «Прозрачность» и «однородность», доставшиеся нам от советского прошлого, особенно заметны в Минске. Нечеловеческих размеров проспект контрастирует со стройными жилыми блоками спальных районов. Кажется, что планировка города превосходно отвечает потребностям эпохи «диктатуры пролетариата»: с одной стороны чрезмерная видимость усиливает чувство контроля, с другой — создает иллюзию социального равенства.

Советский Минск очень бы понравился Ле Корбюзье. Не город, а одна сплошная людская фабрика. Проспект, как огромная пульсирующая артерия, соединяет зоны работы и отдыха. Население в зависимости от функции было размещено в специальных «домах»: «Доме художников», «Доме ученых», «Доме писателей». Те, кто выполнял самые простые функции, в том числе воспроизводства населения, находился в «спальных» районах.

Что делать с этой нечеловеческой функциональной планировкой городов? — вот он, главный сегодняшний вызов беларуских архитекторов, планировщиков, урбанистов и городских властей. В Минске советская архитектура, как призрак из прошлого, не дает нам покоя и, хуже всего, согласно Бенджамину Коупу, поддерживает диалог с советским прошлым на уровне повседневных практик. «Мое самое сильное впечатление здесь — это невидимость», — утверждает британец и профессор культурологии.

КАЖЕТСЯ, ЧТО ПЛАНИРОВКА ГОРОДА ПРЕВОСХОДНО ОТВЕЧАЕТ ПОТРЕБНОСТЯМ ЭПОХИ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА»: С ОДНОЙ СТОРОНЫ ЧРЕЗМЕРНАЯ ВИДИМОСТЬ УСИЛИВАЕТ ЧУВСТВО КОНТРОЛЯ, С ДРУГОЙ — СОЗДАЕТ ИЛЛЮЗИЮ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА.

Относительно новые архитектурные проекты, такие как «Дворец республики», вместо того, чтобы создавать публичное пространство, которое могло бы стать основой республиканского управления, только воспроизводят уже существующую логику доминирования города над его жителем. «Сравнивая классические модели с этим новым дворцом, мы чувствуем еще раз, что со временем опять что-то не так в этом неомодернизме. Здесь, как и везде на проспекте, я чувствую огромное пространство и ощущаю себя очень маленьким и жалким», — делится своими впечатлениями Коуп.

Для того чтобы такие «дворцы» больше не появлялись, необходимо наличие правового государства, реальное участие граждан в управлении городом, а также соблюдение прав на землю и собственность. До тех пор, пока эти условия не будут выполнены, создание «закрытых сообществ», а также альтернативных городских проектов в Беларуси невозможно.

Говоря о «закрытых сообществах», трудно не упомянуть элитное жилое здание напротив «Троицкого предместья», известное также под названием «дом Чижа». Тем не менее, проект беларуского олигарха скорее попадает под популярное в Москве понятиее «клубного дома». Рассчитанный на узкий круг жильцов, он не претендует на статус «города в городе». Формально «дом Чижа» все еще подчиняется администрации Минска, но, к сожалению, сама администрация совершенно неподконтрольна жителям столицы. Об этом свидетельствует в частности то, что «мэр» Минска не избирается прямым голосованием, а назначается «сверху». Поэтому, несмотря на протесты минчан и заверения властей, что никаких уплотнений в центре столицы не будет, строительство здания, которое профессор Сергей Сергачев назвал «драмой нашей архитектуры», все-таки началось.

Ключевым, как мне кажется, является «право на город». В Древней Греции, для того чтобы выступать на «агоре» и принимать участие в управлении городом, гражданину полиса необходимо было владеть земельным наделом — «клерой». В Беларуси города были «приватизированы» государством. У граждан частная собственность на землю существует, в основном, вне города: в виде дачных участков, загородных домиков либо личного подсобного хозяйства. В городе земельные участки предоставляются в частную собственность только для обслуживания квартиры в блочном жилом доме. Все, что выходит за бетонные стены, беларуское правительство пытается контролировать.

Вообще, контроль власти над личностью начинается с контроля над городскими поверхностями. Об этом стоит задуматься не только архитекторам, но и обычным гражданам. Вот, например, почему на балконе нельзя повесить флаг? Почему коммунальные службы закрашивают граффити даже под мостом? Почему нельзя установить спутниковую антенну без разрешения специальной комиссии из трех человек? По-моему, совершенно очевидно, что под видом заботы о фасадах зданий, скрывается желание контролировать наше тело, а также информацию, которую мы получаем. Из-за контроля городских поверхностей мы постоянно находимся в напряжении. Поэтому, как мне кажется, в Минске невозможно фланерство, бесцельное шатание, которое является неотъемлемым опытом современной городской жизни.

Одной из «городских поверхностей», где право собственности наиболее остро сталкивается с интересами государства и городской администрации, является «частный сектор». Эти полудеревенские, зеленые островки в городах могли бы стать прототипом беларуских «закрытых сообществ». Однако, вместо того, чтобы задуматься, как сохранить либо интегрировать эти пространства в город, городские власти стремятся повсюду положить свою ровную «плиточку». Ровные квадраты на тротуарах, пожалуй, лучшее отражение нашей выверенной чиновниками жизни.

Единственный жилой район в Беларуси, который практически полностью совпадает с понятием «закрытого сообщества» — это государственные дачи «Дрозды». После выселения оттуда в 1998 году иностранных дипломатов, развитие поселка стало подчиняться своим внутренним законам. Тем не менее, также как и «дом Чижа», довольно сложно сравнивать элитный поселок беларуской власти с хрестоматийными примерами «закрытых сообществ»: латиноамериканскими «barrios cerrados» или с калифорнийским «частным городом» Хидден-Хилс.

Происходящее на постсоветских пространствах можно условно обозначить как процесс «олигархаизации» столичных пригородов. По-моему, на лицо одна и та же тенденция: властные элиты покидают город. Вместо VIP-кварталов в центре столицы (традиционном месте власти и престижа) создаются отдельные районы за городом («Рублевка» в Москве, «Дрозды» у нас, «Межгорье» в Киеве). Чаще всего в этих целях используется старая инфраструктура «номенклатурных дач», которая берет свое начало еще при Хрущеве.

Данная тенденция свидетельствует о том, что постсоветский город пока еще «для всех», его сложно поделить на закрытые гетто, ограничить движение или доступ к некоторым улицам. В Минске этому мешает функциональная советская планировка. Наконец, не стоит забывать об усиленной охране городских фасадов, которая грозит тем, что наши блочные квартиры в спальных районах превратятся в единственные «закрытые сообщества».

ИСТОЧНИКИ

1. Ле Корбюзье, Три формы расселения. Афинская хартия, М: Стройиздат, 1976, 136 с.

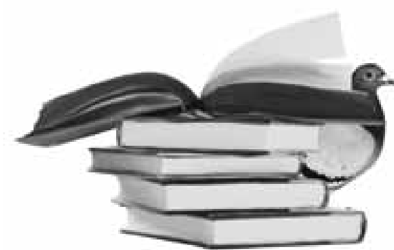
2. Бенджамин Коуп, «Призраки Маркса: Бродя по Минску по следу Деррида», в: Белорусский формат: невидимая реальность (ред. А. Усманова), Вильнюс : ЕГУ, 2008, 552 с.

3. Ирвинг Гофман, Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта, М: Институт социологии РАН, 2004, 752 с.

4. Кодекс Республики Беларусь об Административных Правонарушениях, статья 21.13: «Нарушение архитектурного решения фасада здания или сооружения» от 21.04.2003 года.

Оуэн Хазэрли: «На площади. В поисках общественных пространств постсоветского города» или «Вместе с водой выплеснуть и ребенка».

/АВТОР: ДМИТРИЙ БИБИКОВ/

КАКИЕ МЕСТА В ГОРОДЕ ВАЖНЫ ДЛЯ ВАС?
Мне очень нравятся рабочие поселки (автозавода и тракторозаводской). Это такие места, в них полно скрытого романтизма прошедшей эпохи — будет очень жалко, если все это будет потеряно.

КАК БЫ ВЫ СЕБЯ ВЕЛИ, ЕСЛИ БЫ ЖИЛИ В КОММУНАЛКЕ?
Думаю, проводил бы больше времени на открытом воздухе и работал. Но интереса ради, я бы пожил в таком месте с неделю, так сказать, экстремальный туризм.

Ссылка для скачивания: www.strelkainstitute.com

Пустыри? Развязки? Автопарковки? Плацы, подходящие только для парадов? Какими задумывались и чем стали площади мечты модернистов? Всегда ли их судьба справедлива и закономерна?

В своем эссе английский публицист и исследователь модернистской архитектуры Оуэн Хазэрли (Owen Heatherley) предпринимает прогулку по серии модернистских площадей от стран бывшего Варшавского договора до самой Москвы; от самых старых из них до построенных относительно недавно. Он ищет оставшиеся следы идеологии, сформировавшей эти площади — своеобразные реликты структурирующих общественных и политических сил прошлого.

Большим проектом Хазэрли является реабилитация модернизма, а скорее — пересмотр «слушаний», признавших его виновность. Хазэрли уверен и подтверждает свою мысль: потеря большого проекта и социальной направленности архитектурой после модернизма была потерей не только архитектуры, но и общества, ею пользующегося и её производящего.

Пожалуй, не случайно, что такой проект возник именно у англичанина. Англия, раньше всех пережившая промышленную революцию, притом не экспортированную, а революцию в собственном смысле слова, первой пришла к модернизму в доэстетическом смысле. Модернизм в Англии был в меньшей степени вопросом эстетики, скорее прагматизма. Таким образом, период стилистического модернизма там начался позже остальной «Большой Европы», а кончился раньше и решительнее.

В теоретическом смысле изменение площади является частью общего кризиса модернистского «нейтрального пространства», а также идеи «объекта в пространстве» – очень впечатляющих формообразовательных идей, но мало связанных с чем-то кроме формального аспекта. Просторы парадных площадей были деловито освоены, где-то стихийно, где-то организованно — в связи с расширением проезжей части прилегающих дорог. Некоторые превратились в нечто среднее между парком и пустырем. В этом смысле Хазерли застрагивает как таковую проблему застройки и пустоты, целесообразности огромных пространств, лишенных явно выраженной функции, кроме производимого ими впечатления простора и мощи. Спрос на такое в современных развитых странах не велик.

Многие из описанных площадей годятся только для демонстраций, для них они в основном и были созданы. В своем роде это площади для народа, а не для людей, в отличие от современных «площадей-гостиных», являющихся гораздо более практичными и соразмерными отдельному человеку пространствами.

Хазэрли прекрасно понимает некоторую двусмысленность больших «народных» площадей — и то, что возникают они скорее в недемократических странах. Сегодня крупнейшие парадные площади мира расположены в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке: китайская площадь в городе Ксиньхай (Xinghai) в Даляне (Dalian) — 1 100 100 м^2!

“ В СВОЕМ РОДЕ ЭТО ПЛОЩАДИ ДЛЯ НАРОДА, А НЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, В ОТЛИЧИЕ ОТ СОВРЕМЕННЫХ «ПЛОЩАДЕЙ-ГОСТИНЫХ», ЯВЛЯЮЩИХСЯ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПРАКТИЧНЫМИ И СОРАЗМЕРНЫМИ ОТДЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПРОСТРАНСТВАМИ.

Нельзя не отметить скепсис Хазерли в отношении попыток механически воспроизвести живость и полнокровное бурление улиц и площадей исторического города. Новые идеи городского возрождения во многом кажутся ему фрагментированными, нацеленными только на средний класс и зачастую имитаторскими. Прагматичный город удобств уступает в его глазах поэтичному, обращенному в будущее модернистскому городу равенства.

Не потеряла ли мировая архитектурная теория что-то ключевое, признав модернизм устаревшим? И что делать сегодня со вчерашними мечтами о будущем, что случится с сегодняшним архитектурным «завтра», когда оно наконец настанет? Хазэрли искренне жаль недооцененные места, созданные для не наступившего будущего. Отчасти его грусть вызвана и потерей общественного оптимизма, тем, что наше гражданское создание более не требует таких огромных просторов для самоутверждения. Пространств, которые, несмотря на директивную волю, сформировавшую их, дают своеобразную свободу в них потеряться.

ЖЫЦЦЁ Ў ЯЧЭЙЦЫ

Дамы-камуны — архітэктурнае ўвасабленне ідэі супольнага жыцця на савецкі лад — з’яўляюцца прыкладам таго, як разнастайныя эканамічныя, палітычныя, сацыяльныя і культурныя фактары перапляліся ў пэўны гістарычны момант. Дзіяна Рафальская прапаноўвае чытачу агляд дамоў-камун у Беларусі і акрэслівае асноўныя ідэі, што леглі ў іх падмурак.

/ ДЗІЯНА РАФАЛЬСКАЯ/

ПРА ШТО ВЫ РАЗМАЎЛЯЕЦЕ З СУСЕДЗЯМІ?
Суседзі звычайна пытаюцца пра ровар, бо ён заўсёды са мной :) Увогуле, наяўнасць ровара спрыяе размове: Як ездзіцца ў дождж ці холад? Ці зручна ў спадніцы?! Дзе паркуюся?

ШТО ВАЖНАГА АДБЫЛОСЯ З ВАМІ ЗА МЕЖАМІ ДОМА?
За дзвярмі майго дома праходзіць большая частка майго жыцця.

У ЖЫЛЛІ ЯКОГА ТЫПУ ВЫ БЫ ХАЦЕЛІ ЖЫЦЬ?
Зараз я б жыла ў невялічкай кватэры з тэрасай, у доме не больш за пяць паверхаў, першы з якіх аддадзены пад маленькія крамы і гаспадарчыя патрэбы.

ЧАГО НЕЛЬГА РАБІЦЬ У ГОРАДЗЕ?
У горадзе трэба рабіць што хочаш.

ПАДЧАС САВЕЦКАЙ УЛАДЫ НА БЕЛАРУСІ З’ЯВІЛІСЯ ДАМЫ-КАМУНЫ, ЯСКРАВАЕ АДЛЮСТРАВАННЕ НОВАГА ПАВЕВУ — СУПОЛЬНАГА ПОБЫТУ

Ідэі мадэрнізму ў гэты час развіваліся і рэалізоўваліся, бо падыходзілі ідэалогіі дзяржавы, а архітэктары разам з актывістамі жыллёвых кааператываў стваралі праекты дамоў-камун: яны захапляліся і верылі ў гэтую вельмі ўтапічную сацыяльную мадэль інтэрната. Дамы-камуны праектаваліся рознымі: ад кватэрнага тыпу (кшталту маласямейкі) да больш радыкальна рэгламентаванай ячэйкавай структуры. Трэба было забяспечыць пралетарскую моладзь жыллём, а гэты тып будынкаў дазваляў хутка вырашаць праблему.

> МЫ ПРЫВЫКЛІ, ШТО НАМІ КІРУЮЦЬ. АЛЕ ЗАРАЗ ЧАС САМААРГАНІЗАЦЫІ: ТОЛЬКІ МЫ МОЖАМ СФАРМУЛЯВАЦЬ І СФАРМАВАЦЬ ПРАСТОРУ ВАКОЛ НАС: НАШЫ ПАД'ЕЗДЫ, ДВАРЫ, ІНФРАСТРУКТУРУ І ЎВОГУЛЕ ГАРАДСКОЕ АСЯРОДДЗЕ — ТОЛЬКІ МЫ ВЕДАЕМ, ЧАГО МЫ ЖАДАЕМ.

Радыкальныя погляды ідэолагаў прывялі да барацьбы са «старым побытам» і будоўляй новай калектыўнай будучыні. Сям’ю хацелі вызваліць ад побытавых клопатаў, наладзіць супольны калектыўны лад жыцця. Дзяржава з эканамічнага пункту гледжання выхоўвала пралетарскі настрой насельніцтва. Жанчына ў гэтай пралетарскай супольнасці вызвалена ад «прызямляльнага побыту» і «кухоннага рабства»: яна не выхоўвае дзяцей, не гатуе на кухні, не мые бялізну — яна працуе, як і мужчына, бо ў грамадстве ўсё роўныя. Цікава, што, калі ідэі дамоў-камун былі запазычаны (утопіі Шарля Фур’е), імкненне пазбавіць жанчын ад побытавых цяжараў адбылося нават раней, чым актывізацыя заходняга фемінізму.

КРАЙНАСЦІ — ГЭТА САМАЕ ЦІКАВАЕ, А ЎТОПІІ ЗАЎСЁДЫ ПРЫЦЯГВАЮЦЬ УВАГУ

- радыкальная адмова ад «прызямляльнага побыту»;
- катэгарычнасць і нясхільнасць да кампрамісаў;
- рэгламентацыя жыцця, дыктаваная планіроўкай;
- аскетычная эстэтыка савецкага авангарду

прывялі да шэрагу рэалізаваных эксцэнтрычных праектаў рэгламентавана-ячэйкавай структуры. Яскравым прыкладам крайнасці савецкага мадэрнізму стаў студэнцкі дом-камуна ў Маскве архітэктара І. Нікалаева 1929-1930 гг. Чалавеку-працаўніку, які патрапіў сюды, думаць не прыходзілася, бо гэта ўжо было зроблена за яго. Тут было прадумана ўсё: які будзе распарадак дня чалавека, як накіраваць натоўп людзей з ранку, у сярэдзіне, напрыканцы дня і як аптымізаваць ўсе гэтыя людскія плыні.

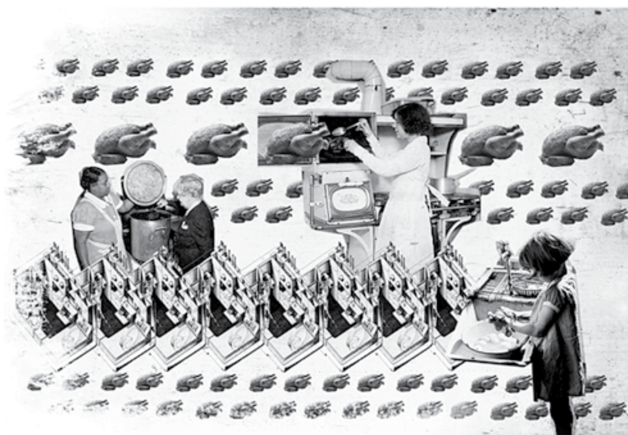
ЖЫЦЦЁ ПА-ЗА ПРАЦАЙ — ТОЛЬКІ ПРАЦЯГ ВЫТВОРЧАГА ПРАЦЭСУ

Для чалавека была запраектавана індывідуальная ячэйка як асабістая прастора. Канечне, толькі для сну, пра сэкс ці што іншае ніхто не кажа, таму памерам 6 кв.м — і гэта на дваіх. Такіх ячэек у праекце Нікалаева было каля тысячы ў жылым будынку, які злучаўся са сталоўкай і чытальнай залай (асобным будынкам) праз санітарны блок, дзе кожны працаўнік абавязкова прымаў душ. Для дзяцей, калі такія з’яўляліся, быў прадугледжаны асобны корпус. Трэба адзначыць, што гэта быў аўтаномны комплекс з поўным спектрам гаспадарчых паслуг: пральні, сушыльні, крамы, дзіцячы садок і г.д. Цікава, што інтэр’еры адрозніваліся суровым аскетызмам завадскога стайлу (напрыклад, сцены звычайна фарбаваліся алеем, каб выхоўваць працоўны дух).

Знакаміты праект таксама ў Маскве — былы дом Наркамфіна *(архітэктары М. Гінзбург і І. Мілініс, 1928-1930 гг.),* самадастатковы комплекс будынкаў. Але гэта ўжо быў «дом пераходнага тыпу» — дом-камуна пакватэрнага засялення. Больш таго, кватэры ў гэтым доме былі двухпавярховыя, што дазволіла ў шасціпавярховым доме зрабіць толькі два калідоры.

ДАМЫ-КАМУНЫ НА БЕЛАРУСІ:

ДОМ-КАМУНА	АГУЛЬНЫЯ ХАР-КІ	ХАР-КІ КВАТЭР	АГУЛЬНАЯ ПРАСТОРА	ФІШКІ
ВІЦЕБСК вул. Максіма Горкага 36/25, **архіт. А. Вышелескі, 1927-1929** Па тыпавым праекце В. Воейкова і А. Самойлава.	⊗ Разлічаны на 300 чалавек ⊗ пакоі для самотных па 24 кв.м на 4 асобы ⊗ маласямейныя пакоі па 12-15 кв.м на 2-3 асобы ⊗ блокі, разлічаныя на 18-24 чалавек, куды увaходзілі: хол для заняткаў і адпачынку (28-30 кв.м), кухня, санітарны вузел	Па тарцах будынка было восем двухпакаёвых кватэр	Першы паверх: зала і чытальня Цокаль: душавыя, пральня, пакой для чысткі вопраткі і г. д.	⊗ сіметрычнае паглыбленне фасада ступенямі ⊗ на галоўным фасадзе цыліндрычныя аб'ёмы лесвічных клетак ⊗ размяшчэнне вокнаў лесвічных клетак на фасадзе па дыяганалі па маршах лесвіц ⊗ вядомы як 5-ы камунальны. Дом даў назву цэламу раёну горада. ⊗ скульптура каля галоўнага ўваходу
ВІЦЕБСК Два дамы па вул. Суворава, **архіт. В. Вуколавы, 1929-1935**		Кватэры з двух-чатырох непрахадных пакояў, для засялення асобнымі сем'ямі	Першы паверх: сталоўка, крама, «красный уголок», памяшканне адпачынку. Цокаль: камунальныя і гаспадарчыя памяшканні	⊗ імітацыя плоскага даху ⊗ кутнія гаўбцы ⊗ глухія агароджы ⊗ суцэльнае вертыкальна выцягнутае шкленне лесвічных клетак
ВІЦЕБСК вул. Новы побыт **1932**				⊗ вертыкальна выцягнутае шкленне лесвічных клетак ⊗ кутнія гаўбцы
ГОМЕЛЬ вул. Камсамольская (зараз Леніна), **архіт. С. Шабунеўскі і інж. Г. Ханін, 1930-1934**	Разлічаны на 172 кватэры	Двух-трохпакаёвыя малагабарытныя кватэры, мінімальныя памеры кухняў	Кожны паверх: пакоі адпачынку, кухні, санітарныя вузлы Першы паверх: вестыбюль, сталовая, бібліятэка-чытальня, дзіцячая дашкольная ўстанова. Цокаль: пральня, сушыльня і г. д.	⊗ былі ўсталяваныя ліфты, што было вялікай рэдкасцю для тагачаснай Беларусі ⊗ кутнія вокны на 7-ым паверсе ⊗ на той час гэта быў самы высокі жылы дом у Беларусі
ГОМЕЛЬ **архіт. С. Шабунеўскі і інж. Г. Ханін, 1928-1932**	Разлічаны на 180 кватэр			
ПРАЦОЎНЫ ПАСЁЛАК ШКЛАЗАВОДУ Ў КАСЦЮКОЎЦЫ (Гомельская вобласць) Два чатырохпавярховыя дамы-камуны **1930-ыя**				⊗ размяшчэнне ў цэнтральнай пазіцыі пасёлка ⊗ кожны з дамоў складаецца з двух выцягнутых карпусоў, якія прымыкаюць адзін да аднаго са здзвіжкай. У адным доме прымыканне карпусоў ажыццяўляецца пры дапамозе цыліндрычнага аб'ёму з размешчанымі ў ім памяшканнямі грамадскага прызначэння і прасторнай адчыненай тэрасай на эксплуатуемым даху.
БАБРУЙСК **інж. М. Канцэльсон, 1930-1935**				
БАРЫСАЎ вул. 30 год ВЛКСМ **1920-ыя**	37 кватэр (захаваліся і цяпер), кожная па 14 кв.м		Кожны паверх: пакоі адпачынку, кухні, санітарныя вузлы	

Дамы-камуны былі рознымі, але ж усе яны мелі аднолькавыя рысы: гэта авангардны выгляд, радыкальна рэгламентаваная планіроўка і вера людзей у калектыўную арганізаванасць жыцця.

З цягам часу ў працоўнай моладзі з'яўляліся дзеці, ёй надакучвала такая жыцёвая прастора і стала відавочнай утапічнасць такога ладу жыцця і неабходнасць рэканструкцыі гэтых дамоў. На жаль, большасць дамоў-камун на Беларусі страчаны ці перабудаваны. А гэта былі гістарычныя каштоўнасці нашай краіны, якія адлюстроўвалі радыкалізм і наватарства тагачасных ідэй.

Так быў сфармаваны камунальны менталітэт, ад якога мы зараз не можам пазбавіцца. Яго негатыўны бок — пачуццё недатычнасці да агульнай маёмасці. Магчыма, таму асабістая прастора большасці беларусаў абмяжоўваецца дзвярмі ў кватэру, і што там у пад'ездзе робіцца, нас не хвалюе. Мы прывыклі, што намі кіруюць. Але зараз час самаарганізацыі: толькі мы можам сфармуляваць і сфармаваць прастору вакол нас: нашы пад'езды, двары, інфраструктуру і ўвогуле гарадское асяроддзе — толькі мы ведаем, чаго мы жадаем.

Я б не стала казаць, што мадэрнісцкае мінулае сапсавала наш менталітэт — яно спарадзіла некаторыя праблемы кшталту нежадання ўдзелу ў фармаванні супольнай прасторы. А спадчына, напрыклад, архітэктурнага характару: неадмаштабаваны для чалавека горад, кватэры-панэлькі, больш падобныя на тыя ж ячэйкі, — павінна толькі дапамагчы стымуляваць актыўных грамадзян да фармавання больш камфортнай прасторы горада.

WOHNGEMEINSCHAFT КАК СЕМЬЯ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

/ ЛЮБОВЬ МЕЙСАК/

О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ С СОСЕДЯМИ?
О путешествиях, культурных стереотипах, других соседях и случайно затопленном бутике снизу... Обо всем болтаем

ЧЕГО ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОБОЛЬШЕ В ГОРОДЕ?
Чего хотелось бы побольше? Открытых для импровизации площадок без последствий административной ответственности

В ЖИЛЬЕ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ?
В большом доме с кучей народа и чтобы со всеми можно было разговаривать :)

«Когда я поняла, что это больше, чем просто вместе снимать квартиру? Когда, открывая дома холодильник, я сканировала взглядом полки и думала, что бы это съесть. А потом брала что-то, сообщая постфактум об исчезновении глазированного сырочка или молока. И так делали все, никто не обижался — такой вот у нас был холодильник…»

Мне повезло: в студенчестве у меня была «семья», которую мы в шутку называли «WG Katrin Indahouse». Нас было пять девчонок: Люба, Даша, Вика, Света и Настя. Мы вместе снимали трехкомнатную квартиру, в которой жил кот Катрин, — отсюда и название. Данный материал — попытка рассмотреть способ жизни небольшой группы людей, не связаных родственными отношениями, как одну из возможных альтернатив нуклеарной семье.

В немецком языке есть понятие Wohngemeinschaft (сокращенно WG), что дословно можно перевести как «коллектив живущих вместе». Эта форма организации совместной жизни свойственна в основном школьникам старших классов и студентам, подбирающим для себя наиболее дешевые варианты съемного жилья, хотя возраст и социальный статус не всегда являются определеляющим фактором. Попав во время путешествия в один из таких WG, я открыла, что выбор людей для жизни не всегда случайный: в шестикомнатную квартиру в немецком городе Freiburg девушки проводили настоящие собеседования, чтобы найти подходящих соседей.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В WG, СОСТОЯЩЕМ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ЧЕЛОВЕК, РАСПРЕДЕЛЯЮТСЯ ПО ПРИНЦИПУ «ДЕЛАЕТ ТОТ, КОМУ НЕ ВСЕ РАВНО». ДЛЯ ОЦЕНКИ ТАКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ШКАЛЫ: РОЛИ ПЕРЕСТАЮТ ДЕЛИТЬСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛА — ОНИ УНИВЕРСИАЛИЗИРУЮТСЯ.

СВЕТА (УЧАСТНИЦА WG KATRIN INDAHOUSE):
«По-хорошему, это тоже самое, как если бы ты жил семьей. Смысл тебе что-то менять, создавать классическую семью, если и так все хорошо».

Предложенная форма быта отличается от быта коммунальных квартир, в случае которых заселение и подселение было необходимой мерой. Известная нам форма коммунальной квартиры распространилась в 20-х годах прошлого века, когда из-за нехватки жилья начался процесс уплотнения. *С начала 60-х годов жизнь в городе начала стремительно меняться: активно застраивающиеся спальные районы с хрущевками стали ответом на то, что людям катастрофически не хватало своего пространства.* Последняя волна расселения коммунальных квартир и приватизации последних частными лицами пришлась на 90-е, однако единичные примеры такой формы общественного быта еще сохранились в крупных городах и сегодня.

Если в 60-х годах советские люди только начинали привыкать жить «отдельно», в Америке набирало силы движение хиппи. Юноши и девушки покидали благополучные дома родителей, создавая так называемые духовные коммуны — общины, где чужды понятия иерархии и принуждения. Некоторые из них, учрежденных тогда, сохранились по сегодняшний день.

С НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ НАЧАЛА СТРЕМИТЕЛЬНО МЕНЯТЬСЯ: АКТИВНО ЗАСТРАИВАЮЩИЕСЯ СПАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ С ХРУЩЕВКАМИ СТАЛИ ОТВЕТОМ НА ТО, ЧТО ЛЮДЯМ КАТАСТРОФИЧЕСКИ НЕ ХВАТАЛО СВОЕГО ПРОСТРАНСТВА.

Wohngemeinschaft отличается и от коммуны, где большое значение играет обобществление имущества, и от трудовых ресурсов, и от коммунальной квартиры, в которых никто самостоятельно не выбирает соседей, и от общежития — временного пристанища студента и молодого специалиста. Образ жизни в WG имеет свои особенности. Останавлюсь на некоторых из них.

В любого рода бытовых взаимоотношениях есть распределение обязанностей, при этом существуют стериотипно женские и мужские функции. Гендерные роли в WG, состоящем из нескольких человек, распределяются по принципу «делает тот, кому не все равно». Для оценки такого распределения не существует шкалы: роли перестают делиться в зависимости от биологического пола — они универсиализируются.

ДАША (УЧАСТНИЦА WG KATRIN INDAHOUSE): «У каждого есть какие-то внегласные обязанности, пожалуй. Помню, мне на первом курсе хотелось пойти на принцип: почему кому-то надо, а кому-то — не очень? Потом я просто приняла это: либо ничего не будет сделано, и это будет стоить передряг, либо можно самой сделать (что, в принципе, мне не сложно), и все будет в порядке».

Обратимся к вопросу реализации себя в личной жизни. Участницы WG Katrin Indahouse отмечали, что сексуальные отношения их не связывали.

ВИКА (УЧАСТНИЦА WG KATRIN INDAHOUSE): «У нас было нормальное такое девчачье проживание. Если бы там в губы целовались или по заднице друг друга шлепали — это было бы похоже на поведение лесбиянок. А так… Это скорее было похоже на сообщество тедди биров: все собирались в кучку и падали под одеяло, разговаривали».

Однако стоит признать, что привести в дом молодого человека было своего рода испытанием.

ВИКА: «Зависит от человека, конечно, но если соседи чуткие и ранимые, не сильно ты кого-то приведешь. Я как-то боялась своих травмировать. Но это от человека зависит, конечно, некоторые “спасибо” скажут за ночное развлечение».

ЛЮБА (УЧАСТНИЦА WG KATRIN INDAHOUSE): «Если задуматься, это как семья. Это же ничем не отличается, за исключением сексуальных отношений: моя личная жизнь происходила всегда за пределами, мне не очень хотелось кого-то приводить, знакомить со всеми…»

НАСТЯ (УЧАСТНИЦА WG KATRIN INDAHOUSE): «Вопрос в контроле. Потому что мы, по сути, являлись цензорами жизни друг для друга, мы контролировали наши жизни. И это очень смешно, потому что мы — круг достаточно близких людей, каждое мнение важно и его не выкинешь… Кроме того, у нас реально была проблема с нехваткой личного физического пространства. Ввиду того, что мы жили по два человека в комнате, не было места, чтобы быть с кем-то... Плюс еще накладывается фактор: если я кого-то приведу, это вызовет какие-то неудобства здесь, здесь и здесь. Это нужно, чтобы все было по “фен-шую”: перед всеми поплясать с бубном, со всеми договориться заранее…»

Еще одна особенность жизни в WG — это замалчивание дальнейших планов, которые являются скорее индивидуальными, чем общими.

ЛЮБА: «Планы на будущее расплывчатые, то есть ты не мечтаешь купить вместе дом, вы не ставите совместные цели лет на десять вперед — это делает каждый для себя сам».

Жизнь WG может быть альтернативой традиционным семейным отношениям. Особенность такого быта — это измененный принцип потребления ресурсов — по сути, коммунизм на локальном уровне, естественное распределение гендерных ролей и принятие решений. Если говорить о минусах, то это нехватка приватного пространства и возникновение затруднений с той частью жизни, которую принято определять как личную. Эти проблемы могут быть частично разрешены с помощью большего количества жилых помещений.

СВЕТА: «Ты задумываешься: что будет, когда все закончится? почему это не может быть альтернативной формой быта? почему это рассматривается как студенческое время, а не как способ жизни всем вместе в большом доме? почему люди не могут жить группой? Точнее, могут, но в нашей культуре они так не делают».

ГОЛОС ГОРОЖАН

СОВМЕСТНОЕ ДОМОВЛАДЕНИЕ В МИНСКИХ НОВОСТРОЙКАХ

/ ПАВЕЛ ЖУЧЕК/

Многие из нас привыкли к тому, что пространство, которое мы считаем своим, заканчивается ковриком у входной двери нашей квартиры. Дальше лежит чужая земля, на которой действуют неподвластные нам силы. Нам остается только наблюдать за плодами их деятельности, будь то завязанные в узел качели или «малая скульптурная форма» в кустах у подъезда. Обстоит ли дело иначе в домах, которыми управляют сами жильцы?

«Городские тактики» беседуют с членом правления товарищества собственников одного из новых домов минской Малиновки. Чище ли в таких домах лифты, дружнее ли соседи и можно ли поставить в своем дворе ларек с мороженым?

КАК ЭТО РАБОТАЕТ?

Мы построили дом за свои деньги, и он полностью принадлежит нам. По закону мы были обязаны создать товарищество собственников, выбрать председателя, правление.

Дальше мы выбираем форму управления домом: можем уйти в ЖЭС, обслуживаться самостоятельно или заключить договор с отдельной управляющей компанией, которая предоставляет все услуги. Мы пошли по наиболее простому варианту: заключили с ЖЭСом договор и платим ему за услуги.

АКТИВНО ЛИ ЛЮДИ ВО ВСЕМ ЭТОМ УЧАСТВУЮТ?

У нас есть председатель, молодой парень, есть члены правления, по человеку с каждого этажа, я в том числе. Это костяк активистов. Есть и другие активные люди, а есть такие, которые ни то ни сё. Но из-за того, что большинство квартир однокомнатные, тут почти все молодые, это их первые квартиры, и есть поэтому какой-то энтузиазм.

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СФЕРА ВАШЕГО ВЛИЯНИЯ — ЗА ДВЕРЯМИ ПОДЪЕЗДА?

Немного дальше. Кроме дома, нам еще принадлежит придомовая территория: лавочка под подъездом, мусоросборник, парковка, общая с соседним домом детская площадка. Площадку мы можем модернизировать, например, поставить новые качельки. Но для этого уже надо взаимодействовать с товариществом соседнего дома: договориться, скинуться деньгами.

Раньше товарищество можно было создавать на комплекс домов. Теперь условие поставили такое, что на один дом — одно товарищество. Скорее всего из-за налогов. А может, просто боятся, что люди начнут больше общаться, дружить, появятся большие объединения — а это для нашего государства, наверное, страшновато: мало ли, чего это они там задумали, начнут двор обустраивать, а там и до страны доберутся. Девять домов в одном товариществе — это же страшная сила! Сейчас тоже как-то общаются на уровне председателей, но если бы это было одно объединение, стали бы общаться и на уровне жильцов.

ПОЧЕМУ НОВЫЙ ДОМ В СПАЛЬНОМ РАЙОНЕ, А НЕ СТАРАЯ КВАРТИРА В ЦЕНТРЕ?

В первую очередь, конечно, из-за кредита. Нормальный кредит сейчас можно получить только под новый дом. Ну и, в принципе, мне надоело жить, никого вокруг не зная. А здесь еще в процессе строительства знакомишься со всеми, что-то уже знаешь про свой дом. И для комфорта ребенка это важно. Тут в любом случае будет формироваться своя компания во дворе, и ребенок легко в нее вольется.

Что мне нравится в этом доме — это то, что все строились за свои деньги и отношение у людей не такое, как в домах с господдержкой. Можно залезть на «Онлайнер» и посмотреть, во что превращается льготное жилье через год: сожженные лифты, грязные подъезды, сломанные двери, разбитые окна. В нашем доме такое невозможно. И контингент немного другой — люди с нормальным доходом, почти все с высшим образованием. Если ты выкладываешь за квартиру немаленькую сумму, а не получаешь ее на халяву, то уже начинаешь внимательнее следить: кто как себя ведет, кто строительный мусор не туда выбрасывает. Мы в своем доме с активистами такие рейды делали.

НЕ ОБРЕМЕНЯЕТ ЛИ ТЕБЯ САМОГО УЧАСТИЕ В КОЛЛЕКТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ?

Когда соседи на собрании начали наезжать: «А почему у нас ни хрена не работает, ничего не двигается? Где наше правление? Где председатель?» — это немного напрягало. Но, в целом, хорошее перевешивает. Хочется что-то делать, жить по принципу «моя хата с краю» надоело.

ЧТО УЖЕ ИЗМЕНИЛОСЬ НА ПРАКТИКЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВАШЕЙ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ?

Мы, например, решили, что нам нужно видеонаблюдение. Активисты набросали каких-то предложений, вынесли на общее обсуждение. В итоге «глазок» загорелся.

ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ ЭТА СИСТЕМА СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ?

В принципе, можно все, но в итоге все упирается в главу района, в главного архитектора города. Нужно писать заявления, согласовывать… То есть теоретически на своей территории мы можем хоть ларек с мороженым поставить. Но практически даже кустик под подъездом ты не можешь посадить без ведома администрации.

Но желание сделать что-то большее всё-таки есть. Вот где-то в Могилеве что ли завелись графитчики, которые расписывают фасады домов*. Было бы интересно сделать что-то подобное. Наш комплекс выходит на парк, и вот когда из парка смотришь на эти семь некрасивых мапидовских столбиков, хочется с ними что-то сделать. Если б их хотя бы разрисовать, уже было бы здорово. Я эту идею среди наших активистов уже озвучивал.

ПЕЧАЛИ? РАДОСТИ? ПЕРСПЕКТИВЫ?

Мне, в принципе, нравится район. Одна беда: в нашем комплексе почти все квартиры однокомнатные. Представь, что будет с населением этого дома через десять лет. Процентов пятьдесят, скорее всего, сменится — и сейчас уже народ может воспринимать это жилье как временное. Вот этого я немножко побаиваюсь. И для меня тоже это временная квартира: с семьей, с ребенком всю жизнь в однокомнатной оставаться не будешь. Но все равно в данный момент это мое, и я готов вложиться сейчас, чтобы хоть три года пожить в нормальном районе.

** Прим. ред. Имеется в виду организованный гомельским стрит-арт-сообществом Signal проект «Must Act — Must Art!», в рамках которого уличные художники расписывали фасады многоэтажных домов в Гомеле и Могилеве. https://www.facebook.com/signalmag*

ГРУШЕВСКИЙ ФЕСТ

Возможно ли возрождение соседских сообществ в городе, где отчуждение стало стилем жизни? Есть ли шанс преодолеть подозрительность в головах людей и привычку ожидать инициативы только «сверху»? Фест в Грушевке дает такие надежды и доказывает, что небольшая группа людей может менять город к лучшему!

/ ДИАНА ТАВКИНЬ/

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ В МИНСКЕ?
Хотелось бы побольше мест под открытым небом, где можно было бы работать или просто просиживать штаны долго и с комфортом.

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ В РАЙОНЕ, ГДЕ ЖИВЕТЕ?
Нет, в нем до сих пор недостаточно развлечений и интересных мест, хотя положительные тенденции есть.

КОГДА ВЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ДЕЛАЛИ ЧТО-ТО ВМЕСТЕ С СОСЕДЯМИ?
Классе в четвертом. Мы тогда очень дружили семьями с соседями по лестничной площадке. Вообще, «друзей по двору» у меня нет, только школьные.

1 мая Грушевский сквер стал местом проведения фестиваля, организованного жителями для жителей. Команда активистов, не представляющая никакую официальную организацию, создала мероприятие своими силами совместно с жителями района, без привлечения спонсоров. Были танцы, открытый микрофон, мастер-классы для детей, игра в шахматы, фотографии, кино об истории Грушевки.

Интересно заметить, что некоторые развлечения жители инициировали сами во время феста. Чувствовалась атмосфера добрососедства. Жители близлежащих домов угощали домашней выпечкой. Фестиваль прошел без алкоголя, не оставил после себя почти никакого мусора, и его не охраняли стены ОМОНа — всего два милиционера, которые совсем не были заметны. Не обошлось и без недочетов: недостаточно понятная навигация, перемены в расписании, нехватка мест для сидения. Последняя проблема решалась очень просто теми, кто принес с собой плед или коврик.

Подготовка площадки к фестивалю шла неделю. За это время перекрасили бетонные клумбы и урны, построили многоуровневую скамью, сцену. Сквер преображали весело и с музыкой, там встречались и знакомились. Прохожие спрашивали, что будет в программе мероприятия, и предлагали помощь, мамы с детьми приходили на прополку будущих клумб, а алкоголики стеснялись пить и сорить при волонтерах. Во время фестиваля всего один человек употреблял алкоголь, но это было скорее исключением. Большое количество детей на празднике задало такой формат мероприятия, что вести себя неприлично и мусорить там было неуместно. Сквер был объявлен свободной от курения зоной. К фестивалю подключились многие активные сообщества Минска: CPM (организаторы ежегодного кинофестиваля Cinema Perpetuum Mobile), Talaka, Фаланстер. Они сами предоставили ресурсы для мастерклассов и активностей, которые проводили.

А все начиналось с предложений, возникших на воркшопе «Прикладная урбанистика», прошедшем в конце минувшего года в ЦЭХе. Там ребята учились реализовывать частные инициативы, находить общий язык с бизнесом и администрацией. Команды разрабатывали две идеи: праздник двора «HandMade для елок», о котором шла речь в прошлом номере «Городских тактик», и фестиваль на Грушевке. Инициативу фестиваля продолжило небольшое число активистов, основная часть которых даже не живет в этом районе. Главная идея заключалась в увеличении числа локальных событий в микрорайонах, чтобы культурная жизнь не концентрировалась только в центре города. Город нуждается в развитии того человеческого и пространственного потенциала, который есть в спальных районах, но не используется.

Организаторы в самом начале привлекали местных жителей через социальные сети. Каждую субботу на протяжении трех месяцев они собирались для обсуждения будущей деятельности и мозгового штурма. Помещение для собраний нашлось в общежитии на Грушевке, вахтеры которого с удовольствием откликнулись и помогали по мере возможности.

У этого района есть своя долгая история: из небольшого поселка в окрестностях Минска он превратился в один из центральных районов, сохранив при этом двухэтажные деревянные дома, где жили в советское время железнодорожники и рабочие вагоноремонтного завода. Такая застройка способствовала тому, что жители знали друг друга. Теперь старые здания сносятся, а на их месте строится типовое панельное жилье, но социальные связи ещё не разрушены до конца.

Участвовали в организации фестиваля около 40 человек, но большую долю менеджмента, концептуальную часть и решение бюрократических вопросов взяла на себя Наталья Юшкевич.

— Наталья, какие остались впечатления от процесса организации феста? Какие были трудности?

Я почти не чувствовала груза. Да, я тратила много времени, но это было приятно и интересно. Как по волшебству, находились нужные люди с нужными навыками и умениями.

Правда, у меня не было до этого опыта организаторской работы, поэтому кое-какие вещи делались неэффективно. Часто приходилось самой обзванивать всех снова и снова, а хотелось, чтобы люди сами звонили и спрашивали, как именно они могут помочь. Может быть, стоило разбить людей на команды.

— Активно ли включались местные жители?

Довольно активно. По крайней мере, очень доброжелательно. В организационной команде из 40 человек примерно 25 живут на Грушевке. Было много пожилых людей, которые поддержали эту идею и оставались с нами на связи, звонили. Также люди охотно откликались, когда мы собирали фотографии старой Грушевки для фотовыставки о районе. Поначалу, когда мы пытались найти через социальные сети тех, кто может заинтересоваться организацией, не все понимали, что это вообще такое, потому что формат новый и сложно объяснить его в двух словах. Некоторые просто игнорировали сообщения, некоторые отвечали, что с удовольствием помогли бы, но у них нет возможности и времени из-за работы. Здесь важно было показать, что идет реальная деятельность, объяснить, что представляет из себя идея. Когда появились первые собранные аудиозаписи историй о Грушевке, фото, количество заинтересованных стало нарастать, как снежный ком. После фестиваля тоже вышли на контакт новые люди, готовые помогать в будущем. В день перед фестивалем звонили горожане из разных районов и предлагали свою помощь, приезжали, проводили целый день в сквере и сами находили, что стоит улучшить. И таких было много, не один человек.

— Было ли у фестиваля какое-то внешнее финансирование? Выделила ли администрация деньги на благоустройство?

Администрация оплатила электричество на фестивале. «Зеленстрой» обещал выделить саженцы, но они, видимо, забыли, а в последний день уже трудно было это решить. Поддоны для строительства скамьи нам дали на идущей рядом со сквером стройке, все остальное было принесено жителями. Они приносили краску, пиломатериалы, рассаду, что-то было куплено на деньги организаторов. Так что получилось организовать фестиваль без спонсоров, только силами жителей.

— Не было ли препятствий при согласовании события в администрации?

С администрацией все было довольно легко. Пришлось, конечно, несколько раз звонить им и напоминать о нас, но они воспринимали праздник как положительный и нужный району и жителям. Самое позитивное, что когда мероприятие было уже согласовано, я хотела сказать: «Наконец-то жители и городские власти нашли общий язык!» — но успела сказать только: «Наконец-то…» — а фразу за меня закончила женщина из администрации.

— Какие планы на будущее? Будете ли ещё организовывать подобные фестивали?

Планов очень много. Хотелось бы насыщать сквер событиями и дальше, проводить какие-то небольшие мероприятия, например, мастер классы, дни дворовых игр, кинопоказы, соседские дни с обменом выпечкой. Есть мысли и по благоустройству. Безусловно, следующий фестиваль планируется. Может быть, он пройдет в районе улицы Розы Люксембург. Есть надежда, что по всему Минску появятся заинтересованные люди, которые станут собирать свои команды и преобразовывать другие районы!

— Оправдались ли ожидания от феста? Все ли цели, которые вы ставили перед собой, были достинуты?

Да! Главная цель — дать людям понять, что они сами могут распоряжаться пространством города, района и вносить свои инициативы, делать жизнь ярче. Фестиваль показал, что это возможно. Я ожидала, что потребуется ещё не одно такое событие хотя бы для того, чтобы началась какая-то активность. Но уже сейчас есть много заинтересованных. Есть планы по привлечению бизнеса для создания социально полезных акций или финансированию улучшения пространства.

РЕБЯТА ДОКАЗАЛИ, ЧТО МОЖНО УЛУЧШАТЬ ГОРОД "СНИЗУ" МАЛЫМИ СРЕДСТВАМИ, ЧТО ЖИТЕЛИ И АДМИНИСТРАЦИЯ ГОТОВЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ, ЧТО НАСЫЩЕННОСТЬ И КОМФОРТ ЖИЗНИ В ВАШЕМ РАЙОНЕ ЗАВИСЯТ ТОЛЬКО ОТ ВАС. НАДЕЮСЬ, ЧТО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР ЗАРАЗИТЕЛЕН!

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ: ЖИТЕЛИ И ВЛАСТЬ»

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

ВЛАДИМИР КОВЗЕЛЕВ — представитель Комитета территориального общественного самоуправления (КТОС)

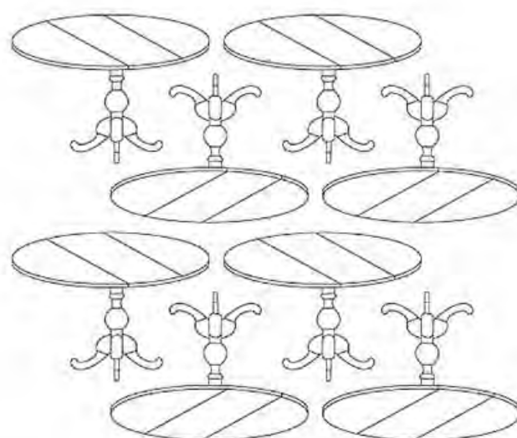
МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ — заместитель начальника управления архитектуры и строительства Фрунзенского района г.Минска

ДМИТРИЙ КОРЕНКО — культуролог

Модератор дискуссии — **ОЛЬГА ШПАРАГА**

23 апреля 2014 года в актовом зале Союза Архитекторов прошел первый круглый стол из цикла «Город за пределами архитектуры»: «Принципы и способы управления городом: жители и власть».

ТЕМОЙ КРУГЛОГО СТОЛА было обсуждение существующих в Беларуси на данный момент форм участия и самоорганизации горожан, позволяющих участвовать в управлении городом в той или иной форме. Основными являются комитеты территориального общественного самоуправления (КТОСы) и товарищества собственников жилья (ТСЖ), а также общественное информирование, которое заменило общественные обсуждения.

ОБСУДИЛИ:

▸ Существующие формы участия горожан в управлении городом, различия в понимании роли горожан.

Управление городом довольно проблематично в силу его масштаба и трудностей в принятии решений на городском уровне, необходимости квалифицированного подхода и высокой информированности в сфере самоуправления. Наиболее актуальными для Беларуси в сложившейся ситуации представляются такие формы самоуправления, как ТСЖ и, в еще большей степени, КТОСы.

▸ Происхождение низовых инициатив самоуправления и самоорганизации на примере Гомельского КТОСа — Владимир Ковзелев («все начинается с футбола»)

▸ Проблемы передачи ответственности за принимаемые решения жителям (недостаток компетенций, пассивность) и опасения властей, связанные с тем, что бизнес будет нечестным образом манипулировать мнением жителей в собственных интересах.

▸ Перспективы самоуправления (благоустройство дворов, детских площадок, что вполне достижимо для самоуправления уже сейчас).

Видео и фотоотчет о круглом столе размещены на нашем сайте **urbanist.by.**

https://www.youtube.com/watch?v=7CqyCkuQwF0

СОДЕРЖАНИЕ

Количество экземпляров — 299
Напечатано на собственной технике
Май-июнь, 2014
Распространяется бесплатно.
www.urbanist.by
minskurban@gmail.com

Редакторская группа:
Андрей Карпека
Дмитрий Бибиков
Настасья Андрукович
Никита Потапенко

Иллюстрации:
Александра Конончено

Верстка:
Юлия Янюк